

ДЕСЯТЬ СЕКРЕТОВ

ШКОЛЫ
КВИКСМИТ

#эксмогетстзю

Лорис Оуэн

Фэнтези для подростков

Лорис Оуэн

Десять секретов школы Квиксмит

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Оуэн Л.

Десять секретов школы Квиксмит / Л. Оуэн — «Эксмо»,
2020 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-166838-9

ЧЕРВОТОЧИНЫ, МЫСЛЕВОЛНЫ, ПРЯЖА ВРЕМЕНИ, СКОЛЬЗОТОК – это не заклинания, а названия учебных дисциплин. Здесь правит не магия, а наука! Ровно четыреста лет назад гениальная основательница школы Квиксмит оставила письмо, в котором указала путь к своим секретам. Для того чтобы до них добраться, ученикам школы нужно последовательно найти и раскрыть десять загадок. Пусть Кип совсем недавно поступил в эту школу, он тоже включается в гонку. Кип, конечно же, обожает головоломки и тайны, но для него на кону стоит гораздо больше, чем для всех остальных. Кип верит, что среди этих секретов есть тот, который поможет ему вылечить маму.

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-166838-9

© Оуэн Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лорис Оуэн

Десять секретов школы Квиксмит

Лиаму – наполовину Стимпанку, наполовину Тео и на оставшуюся половину – совокроту. За все страницы, которые ты перевернул, за все моменты, когда ты верил в меня.

Видеть в обыкновенном невероятное и незнакомое в знакомом.
Новалис

Loris Owen

THE TEN RIDDLES OF EARTHA QUICKSMITH

Copyright © Loris Owen 2020

First published in 2020 by Firefly Press

25 Gabalfa Road, Llandaff North, Cardiff, CF14 2JJ

www.fireflypress.co.uk

The author asserts her moral right to be identified as author in accordance with the Copyright, Designs and Patent Act, 1988.

© Максимова В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1. Трескнебесная башня
2. Музыкальные залы
3. Корпус шестикурсников
4. Атлантов дворец
5. Картографический зал
6. Часовая башня
7. Ботанический сад
8. Корпус пятикурсников

9. Корпус четверокурсников
10. Небесный дворец
11. Буфет
12. Портретная галерея
13. Корпус второкурсников
14. Конфуцианский дворик
15. Сад Гигантских скачков
16. Театр Аристотеля

17. Изобретяе поля
18. Библиотека
19. Мастерские
20. Дворец Поющей мельницы
21. Лаборатории
22. Дворец Квантум-квартир
23. Кладовые

24. Профессорский корпус
25. Дворик Птолемея
26. Портьера
27. Улей
28. Корпус первокурсников
29. Комната K10
30. Корпус третьекурсников

Глава 1

МОНЕТА

«За мной кто-то следит».

Кип посмотрел вниз, свесившись со своего любимого укрытия на середине каштана. Мимо шли собачники, бежали трусцой воскресные бегуны, но все они смотрели в землю или прямо перед собой.

Он вернулся к домашней работе, разложенной на самой плоской части Срединной ветки. Но не успел Кип написать несколько строк, как безошибочное ощущение чужого пристального взгляда вернулось, причём на этот раз стало гораздо сильнее.

Снизу на него совершенно точно никто не смотрел. Ашли и её писклявые подружки, как обычно, скрылись из виду сразу после того, как высадили Кипа. Заседание шахматного клуба должно было начаться только через двадцать минут.

«Кто же это тогда?» – снова подумал Кип.

Он сменил позу, чтобы осмотреть раскинувшийся внизу парк, но почти сразу же инстинктивно отшатнулся. Между голых ветвей, едва заметно покачиваясь, бесшумно висел плоский овальный дрон. Самый настоящий дрон – белый, металлический, размером примерно с кисть руки Кипа. Спереди у него торчали две толстые антенны, на конце каждой горел изумрудный огонёк, окрашивавший ближние ветки призрачным зеленоватым сиянием.

Несколько секунд Кип потрясённо молчал, а потом выдавил:

– Привет?

Дрон не ответил. И тут Кип с жутковатым ощущением нереальности заметил, что дрон едва заметно расширяется и сжимается. «Как будто дышит!»

В следующее мгновение дрон, как летающий футуристический жук, стал медленно приближаться, с неспешной уверенностью шныряя среди веток.

И он остановился так близко, что Кип смог увидеть в сверкающем боку отражение своего лба и коротко подстриженных каштановых волос: лицо его было слегка вытянуто, как если бы он смотрелся в выпуклую сторону ложки.

– Что тебе нужно? – спросил он.

На него уставилось отражение его собственных глаз необычного оттенка – светло-серого с золотисто-коричневым, такой цвет мог бы получиться, если расплавить и не до конца смешать железо и медь.

Кип с опаской помахал рукой перед зелёными огоньками антенн, и дрон наконец-то отошёл. Он издал тихое «ж-ж-ж-щёлк», а затем из его «живота» выдвинулся поднос.

На подносе лежал конверт, где прямо под маркой первой группы тёмно-красными чернилами было выведено имя адресата.

КИПУ БРЭМЛИ

Кип взял конверт. Наверное, это розыгрыш. Он ещё раз пристально огляделся по сторонам, но по-прежнему не увидел ничего подозрительного. Тогда он осторожно открыл заклеенный клапан, чтобы не рвать конверт.

Вместо письма он обнаружил монету в пятьдесят пенсов. Кип перевернул конверт и осторожно встряхнул его. Изнутри ничего не выпало.

– Что?..

Вопрос оборвался, как только он поднял глаза. Дрон исчез.

Несколько человек уже начали раскладывать шахматные доски на столиках под деревом.

Голоса взлетали, просачиваясь сквозь ветки, раздетые зимним холодом.

– Вот и весна!

– Даже не верится, что снова стало тепло и можно проводить заседания шахматного клуба на улице!

Кип спрятал монетку в конверт, убрал его в рюкзак, застегнул молнию и слез с дерева. Скоро тут соберутся все – старые и молодые, большие и маленькие, объединённые общей любовью к игре.

После окончания заседания клуба здесь его ждала Ашли. Отец платил ей за то, чтобы она забирала Кипа и отвозила домой, в жилой комплекс «Ильстов». Как обычно, Ашли оставила Кипа перед дверью его квартиры, как будто она была всего-навсего скучающей работницей службы доставки, которой не терпелось заняться чем-нибудь поинтереснее.

– До скорого, – бросила она, что-то набирая в телефоне.

Порой было непонятно, обращается она к Кипу или просто вслух произносит текст очередного сообщения.

Кип вошёл в квартиру, сел за маленький кухонный стол и вытащил из рюкзака конверт.

«Кто мог прислать мне пятьдесят пенсов? Да ещё с дроном!» – подумал он.

Нет, тут нет ошибки: ведь на конверте тёмно-красными буквами написано его имя. Кип провёл пальцами по семи углам монеты. Она должна быть серебряной. Почему тогда посланная ему золотая? Имелось в ней и ещё какое-то отличие, Кип был в этом уверен, только не мог понять, в чём же оно заключалось.

«Надо взять другую монету и сравнить!» Он опустошил содержимое шерботой кружки, в которой хранилась мелочь. К счастью, среди горсти пенни отыскался и пятидесятипенсовик. Кип положил серебряную и золотую монетки рядом. На реверсе серебряной изображён лев. А на оборотной стороне золотого пятидесятипенсовика оказалась странная свеча, зажжённая с двух концов. Кип перевернул оба скруглённых семиугольника. На серебряном, конечно, выбит портрет британской королевы, над которым по кругу было написано её имя и год чеканки.

На золотой монете тоже обнаружилась голова королевы, но вместо имени были выбиты три слова:

ИЗМЕНИ СВОЙ МИР

Но на лестничной площадке уже зазвенели ключи, и Кип торопливо спрятал золотой пятидесятипенсовик в конверт до того момента, пока дверь не открылась.

ПОЙНТЕРЫ

Пойнтеры жили по соседству; муниципалитет заключил с главой семейства договор на ремонт шестидесяти квартир в доме Кипа. Ашли Пойнтер в прошлом году закончила школу. Теперь она зарабатывала тем, что продавала подержанные виниловые пластинки через интернет. Почти сразу после того, как Брэмли переехали сюда, Тео, отец Кипа, нанял девушку присматривать за сыном. В её обязанности входило находиться рядом с Кипом, когда Тео работал в ночную смену или сверхурочно, то есть почти всё время.

– Это обязательно? Она ужасно надоедливая, – пожаловался Кип через несколько недель. – И вообще, я уже слишком взрослый, чтобы за мной нужно было присматривать.

Тео взял с подоконника семейную фотографию, провёл большим пальцем по стеклу.

– Я просто волнуюсь за тебя...

Он сморгнул слёзы и так крепко прижал к себе сына, что тот почувствовал, что у него тоже защипало глаза.

– Прости. Я понимаю, пап. Ладно, всё нормально. И эта Ашли совсем не такая плохая.

Чья-то рука замаячила перед носом Кипа, прерывая его размышления.

– При-и-и-и-вет, Ки-и-и-пер, – проворковала Ашли.

Она прислонилась к холодильнику и стала шумно ковыряться в зубах, помахивая зажатым в руке очередным письмом от электрической компании, в котором мистера Т. Брэмли грозными красными буквами просили незамедлительно погасить задолженность по оплате.

– Меня зовут Кип, – в двухсотый раз сказал Кип.

Но Ашли уже отвернулась и закричала куда-то в сторону:

– Па-а-ап? Пап, ты идёшь?

Потом она снова повернулась к Кипу и пробормотала, глядя в телефон:

– У тебя раковина засорилась.

В кухню неторопливо вошёл долговязый седой мужчина с ржавым ящиком для инструментов. За его спиной возвышалась крупная женщина в резиновых перчатках и с тряпкой в руках.

– Опять смывал макароны в слив, Кип? – спросила миссис Пойнтер. – Сколько раз тебе надо повторять, чтобы ты этого не делал! Я точно знаю, что сливал!

Она ткнула жёлтым пальцем в мистера Пойнтера.

– Тони, это точно макароны. Ищи макароны, Тони!

Мистер Пойнтер что-то пробурчал себе под нос, а его жена окинула кухню цепким взором, высматривая что-нибудь интересное. Её жадный взгляд упал на конверт в руках Кипа.

– А это что такое? Приглашение на вечеринку? Ну конечно! Ой, Ашли, он уже завёл новых друзей! Что я тебе говорила?

Ашли оторвалась от телефона.

– Чё-ё-ё?

– От кого письмо, дорогуша? – спросила миссис Пойнтер.

Кип убрал конверт за спину и отодвинулся.

– Да так... приглашение в гости... от... ну... простите, я отойду на минутку...

– Видать, от девочки, – донёсся до него возбуждённый голос миссис Пойнтер.

Проходя по коридору, чтобы спрятать конверт, Кип мельком взглянул на меню, приколотое к потёртой пробковой доске, и невольно улыбнулся. Тео Брэмли был шеф-поваром и каждую неделю придумывал какую-нибудь безумную кулинарную тему. С едой он обращался КОТИКально, превращая самые обычные продукты из супермаркета в пугающе реалистичные творения.

Прошлый месяц закончился «Суперзлодейским шведским столом», а март начался с «Омерзительного ужина». Только за последние несколько дней на свет явились сразу несколько непревзойдённых шедевров Тео.

Вот, к примеру:

Вторник

Ужин

Сюрприз «Клювы и щупальца» с экстраслизью

Дважды проваренная жаба из сточной канавы с перчёным следом слизи

Маринованная кожа зомби в желе из грибковой плесени

Пятница

Ужин

Супчик «Найди глазки»

Сопливы́й сыр с ароматом грязных носков и гарниром из потных собачьих подмышек

Вишнёвый пудинг с соусом «Четыре чиха»

Что и говорить, даже Тео будет не так-то легко переплюнуть эти кулинарные творения, однако сегодняшнее меню тоже выглядело весьма многообещающе.

Суббота

Обед

Отхаркнутые комки шерсти в сопровождении кусь-кусь из постельных клопов

Ногти шефа в фирменном желе «Соки мусорного ведра»

Ужин

Грибки из складок живота на пушистом заплесневелом тосте

Быстро обжаренная сера из слоновых ушей с тысячилетней капустой

Мороженое из мыльной воды после купания с посыпкой из тёртого обморожения

Пока Ашли и миссис Пойнтер спорили о чём-то на кухне, Кип бросился по коридору в свою комнату. Там, над его головой, по белой потолочной лампочке, ползал маленький беленький мотылёк. Если бы Кип поднял глаза, он, возможно, задумался бы над тем, почему раскалённая лампа не превращает нежные крылышки насекомого в два хрустящих мотыльковых чипса. Но в этот раз Кип был слишком занят и ничего не заметил.

РОЗОЧКА

Мальчик спрятал конверт между страниц большой голубой тетради для рисования и убрал её в логово Розочки. Логово представляло собой высокий металлический стеллаж, купленный в магазине подержанной мебели, который сын с отцом полностью переделали и затянули проволоочной сеткой, чтобы получилась просторная клетка с множеством укромных местечек и уголков для приятного времяпрепровождения. Кип до сих пор с радостью вспоминал те счастливые дни, когда он создавал этот маленький рай для Розочки: расставлял веточки яблони, развешивал верёвочные лесенки, раскладывал игрушки и устраивал уютные лежанки, набитые клочками старой одежды. На табличке, прикрученной к решётке, крупными розовыми буквами было написано: «ОПАСНО!»

– Розочка, охраняй это ценой жизни! Никого не подпускай, поняла?

Розочка лежала в своём любимом спальном уголке из половинки кокосовой скорлупы, которую Тео принёс с работы. Два блестящих глаза, похожих на шоколадные драже, уставились на Кипа из-под обрывка его же старой пижамы. Под глазками задвигалось розовое пятнышко носа, обрамлённого фонтанчиком длинных изящных усов.

Так Розочка говорила: «Я, Розочка, страж безопасности с лицензией на убийство! Инструкции получены, задачи ясны, приступаю к выполнению!»

– Даже если бы школа Лэдхилл оказалась в десять раз ужаснее, чем она есть, – сказал Кип, – ты всё равно стоила бы этого, Розочка!

Запищал мобильный телефон, и Кип нетерпеливо схватил его: это могло быть сообщение от лучшего друга, Хэла. Вот уже несколько недель от него ничего не было слышно.

«У нас снова нехватка персонала. Буду к ужину. Не забудь про домашнее задание. Прости. Папа».

Вдвойне разочарованный, Кип положил телефон на кровать и поплёлся на кухню, где обнаружил, что миссис Пойнтер уже поставила на складной обеденный стол тарелку с «отхаркнутыми комками шерсти». Теперь она смахивала пыль с фотографий, стоявших на облеслом подоконнике.

– Вот эти хороши, – сказала она, беря в руки простую деревянную рамку. – Что тебя так рассмешило?

– Ничего, – ответил Кип. – Само получилось.

Фотографии сделали в одной из тех фотобудок, где печатают полоску из четырёх разных снимков. На трёх Тео и Кип строили рожи, одна уродливее другой, и только на четвёртой, последней, хохотали до упаду.

– И эта тоже – чудо какая красивая! – продолжала восторгаться миссис Пойнтер. – Ах, что за прекрасная семья!

Она обмахнула потускневшую позолоченную рамку грязной тряпкой.

На снимке Тео обнимал за плечи девочку с брекетами на зубах и с волосами, зачёсанными в два волнистых пучка: старшую сестру Кипа, Сьюзи. Иногда фотография казалась более реальной, чем воспоминания о Сьюзи, которые приходили и уходили, словно солнечный луч, пытающийся пробиться сквозь тяжёлые тучи, – её туфли в чёрно-белую зебриную полоску, падение с трюкового велосипеда, садовая палатка, которую она соорудила из старых простыней.

Второй рукой Тео обнимал прелестную женщину со светло-каштановыми, как у Кипа, волосами. Розалинда Брэмли или просто Роуз, как все её звали. На коленях у неё сидел пухлый, как пончик, малыш: мини-Кип. Солнце светило им в спину, поэтому лица получились не очень отчётливо, но было и так понятно, что семейство улыбалось.

– Такая трагедия, – пробормотала миссис Пойнтер, как будто Кипа не было в кухне. – Просто сюжет из новостей!

Кип сделал вид, что старательно дует на обед, и постарался набить полный рот, чтобы не пришлось ничего говорить.

– Подумать только – влюбиться в музею, – продолжала болтать миссис Пойнтер. – Как романтично! Встречаться с красавцем шеф-поваром у шоколадного фонтана, созданного в честь Дня святого Валентина. Счастливые влюблённые, счастливая семья... и такая трагедия...

Иногда, думая о маме, Кип начинал безотчётно крутить кусок кварца, висевший на тонком кожаном шнурке на шее. Глядя на кристалл, было нетрудно отключиться от всего остального, даже от болтовни миссис Пойнтер.

Это случилось несколько лет назад. В тот день, после удара молнии, когда Тео нашёл жену и пятилетнего Кипа на тропинке, ведущей от их старого дома к морю, Роуз крепко сжимала в руке обломок кварца. Она была без сознания, но не разжимала кулак. Только позднее, уже в больнице, женщина очнулась и стала звать Кипа. Собрав последние силы, Роуз вложила кристалл в его ладошку и произнесла одно-единственное слово: «Береги». В то ужасное время все, кроме Кипа, были слишком заняты, чтобы как следует рассмотреть камешек.

Но Кипу светло-голубая каменная сосулька показалась завораживающе-прекрасной и в то же время пугающей. В камне таился силуэт, который проступал только при определённом освещении: янтарная волна, навеки застывшая в миг перед падением. Иногда, когда Кип смотрел на кварц, ему чудилось, будто он пытается что-то вспомнить...

– Кстати, дорогуша, как дела у твоей мамочки? – спросила миссис Пойнтер, неожиданно останавливаясь возле стула Кипа.

– Нормально, – выдавил Кип, неловко поёжившись. – Так же...

Кузь-кузь из постельных клопов уже настолько остыл, что его можно было прикончить в несколько ложек. Кип отнёс пустую тарелку к раковине, прихватил апельсин и вазочку с желе из мусорного сока и сказал, что должен делать уроки.

Спальни в квартире были совсем маленькие, но Тео отдал Кипу ту, что побольше, поэтому в комнату удалось втиснуть не только клетку Розочки, но и узкий письменный столик. Кип протиснулся мимо шкафа и поставил на стол вазочку.

Из кокосовой колыбельки показалась мордочка Розочки. Обеденное время Кипа прихотилось примерно на середину её ежедневного десятичасового сна, но сейчас нежный носик зверька настороженно засопел в сторону желе. В следующее мгновение миниатюрная белка-летяга выскочила из кокоса, вскарабкалась вверх по сетке и повисла вниз головой на крыше домика, очутившись на уровне уха Кипа. Проявляя чудеса ловкости, она, не выпуская решётку, почесала себя задней лапкой под подбородком.

– Ладно, Шерстяной клубок, – прошептал Кип, открывая дверцу клетки, чтобы выпустить Розочку. – Я дам тебе дольку апельсина. Но желе ты не получишь!

Ежедневный распорядок дня Розочки выглядел примерно следующим образом...

04:00–05:30

– Альпинизм, беготня по лесенкам, поиски тайного склада орешков.

05:30–06:30

– Репетиция рок-звезды: игра на игрушечных тарелках и колокольчике;

– сравнительное изучение различных мест для сна.

06:30–07:00

– Лёгкие закуски и обнимашки перед сном.

07:00–17:30

– Укрытие от яркого света в одном из следующих мест:

а) в шарфе-гамаке;

б) в гнездышке-носке;

в) в ореховой колыбельке;

г) под рубашкой или в кармане Кипа.

– Сон, изредка прерываемый попискиванием;

– полное забвение местонахождения тайного запаса орехов;

– пробуждение для полусонного фруктового перекуса.

17:30–18:00

– Писк, стрекотание и обнимашки.

18:00–21:00

– Завтрак;

– игра в «Найди изюминку»;

– тренировка скоростного подъёма по занавеске и отработка навыков планеризма;

– ещё один завтрак и наблюдение за подготовкой Кипа ко сну.

21:00–04:00

– Охрана Кипа.

Пока Розочка грызла сочную оранжевую дольку, Кип вытащил большую голубую тетрадь, достал из неё конверт и вытряхнул на кровать монетку. Мальчик и белка уставились на блестящий металлический семиугольник.

– Видишь, Розочка? Кто-то прислал мне странный пятидесятипенсовик. Но зачем? Я ведь не собираю монеты.

Розочка отбросила апельсин и попыталась перевернуть монетку, как будто из-под неё могли высыпаться ответы на вопросы Кипа.

– Её доставили на дроне, представляешь? Нет, я согласен – всё это какая-то бессмыслица.

Кип нахмурился и открыл тетрадь.

На первой странице было написано:

КНИГА ЗАВИХРЮШЕК

ЧАСТЬ 13

Иногда, когда Кип очень глубоко задумывался, перед его закрытыми глазами появлялись волшебные узоры – завихрюшки. Наверное, кто-нибудь мог бы сказать, что мальчику его возраста не годится использовать детское слово, но Кипу было наплевать. Так назвал узоры его отец.

– Твои рисунки похожи на нечто среднее между вихрями и завитушками, – заметил он однажды. – Настоящие завихрюшки!

Кип пролистнул страницы. Он рисовал завихрюшки столько, сколько себя помнил, но до сих пор не понимал, что же это такое. Для него завихрюшки были живыми существами, по венам которых бежал свет, а не кровь. Порой Кипу казалось, что они пульсируют в такт биению его сердца.

Розочка зевнула и вскарабкалась по руке Кипа, чтобы свернуться клубочком в сгибе локтя хозяина. Он ласково погладил пальцем её шёлковую бурую спинку, и она с тихим вздохом закрыла глаза.

Кип взял со стола ручку и тоже закрыл глаза. Но он не собирался спать. Вскоре вдалеке зыбко замерцала первая завихрюшка. Рисуя, Кип чувствовал, будто плывёт по волнам и катится вниз по ярким спиралям. Когда он забывался в завихрюшках, часы бежали и таяли, как минуты...

– Тук-тук?

Дверь со скрипом приоткрылась, потом распахнулась, и в комнату вошёл Тео Брэмли. Это был невысокий широкоплечий мужчина с добрым лицом и аккуратной бородкой цвета соли с перцем.

– Прости, что поздно, – сказал он. – Но есть и хорошая новость – наши выходные начинаются... прямо сейчас!

При звуке его голоса Розочка мгновенно проснулась и возбуждённо застрекотала. Мальчик вскочил и бросился в объятия, пахнущие свежее испечённым хлебом, а Тео погладил костяшками пальцев мягкий ёжик волос Кипа. Отец и сын уселись на кровать, а Розочка, превратившись в вихрь бело-бурой шерсти, мячиком запрыгала между двумя своими самыми любимыми людьми, пока Тео не вытащил из кармана рубашки ломтик батата – сладкого картофеля. Розочка очень осторожно взяла лакомство зубами и принялась есть, кусая и стрекоча без передышки.

Тео встал, чтобы поправить одеяло, и мобильный Кипа свалился с кровати на пол.

– Хэл сегодня не писал? – спросил Тео, кладя телефон на стол.

Несколько месяцев тому назад Тео пришлось уволиться со старой работы, после чего они с Кипом переехали в Лондон и поселились в этой квартирке. Для мальчика переезд означал переход в новую школу, Академию Лэдхилл, и расставание с лучшим другом Хэлом.

Первое время Кип и Хэл постоянно переписывались, созванивались и по возможности ездили друг к другу в гости на выходные. Но потом разразилась катастрофа – семья Хэла переехала в Австралию. Шли недели, друг отвечал всё реже и реже, а Кип чувствовал себя всё более и более одиноким.

– Наверное, он занят, – сказал Кип.

– Милый, я уверен, что вы навсегда останетесь друзьями. Но подумай о Хэле. Он начинает новую жизнь на другом конце света. Ему нужно завести друзей.

Тео опустил глаза на незаконченный узор в «Книге завихрюшек».

– Как дела в школе? Не легче?

Кип постарался напустить на себя храбрый вид. Он не хотел огорчать папу.

В его классе было три группы. Первая – спортивная, но Кипу не нравилось, что ученики из неё постоянно устраивали шуточные потасовки и цеплялись к ребятам, которые не отличались успехами в физкультуре. В умную группу Кип тоже не вошёл: её члены любили громко

разглагольствовать о том, какие они КОТИКальные, решали вслух сложные задачки и постоянно хвастались наградами. А крутые просто потешались над всем, что говорили остальные, и высмеивали тех, кто хорошо учился.

А ещё в Лэдхилле была Груббинг.

То есть мисс Гниббург, классная руководительница Кипа, она же завуч по науке. Однажды Кип прочитал её имя задом наперёд и решил, что так оно ей гораздо больше подходит.

Вопросы, которые Груббинг задавала классу, заставляли Кипа подозревать, что она считает их всех безнадёжными тупицами. Впрочем, Груббинг порой не стеснялась вслух называть учеников «бестолочами», «остолопами» и «тугодумами», если они чего-то не понимали с первого раза.

Но больше всего Кипа раздражало, что она демонстративно подавляла зевоту, когда он отвечал на её вопросы.

Конечно, бодрая гримаса «всё отлично» не обманула отца.

– Может, мне поговорить с мисс Гниббург? – привычно предложил он.

– Нет, пап, я в порядке, – поспешно заверил его Кип. – Не стоит.

– Хочешь пригласить какого-нибудь друга на скалодром? – спросил отец.

Кип промолчал. Здесь у него не было никого, кого он мог бы назвать другом.

– Ладно, давай подождём до конца семестра и будем надеяться, что со временем ситуация станет лучше.

Кип кивнул, хотя прекрасно знал, что время до начала каникул покажется ему целой вечностью.

– Смотри, что я нашёл, – сказал он, чтобы сменить тему.

Он решил не упоминать о дроне. Зачем? Наверное, это была просто шутка богатого скупающего ребёнка. Кипу не хотелось, чтобы папа забеспокоился, запретил ему посещать шахматный клуб или не пускал гулять одного.

Тео взял золотую монетку.

– Хм-м-м-м, – протянул он. – Очень необычно. Сыграем? Орёл – это золото лепреконов и исполнение трёх желаний. Решка – монетка для питьевого автомата в секретной штаб-квартире британской контрразведки МИ5.

Он подбросил монетку в воздух.

– Орёл!

Часы в коридоре пробили шесть раз.

– Пора ужинать, – заметил Тео, возвращая сыну монетку. – Не знаю, как ты, а я бы сейчас съел целого слона!

– Боюсь, у нас есть только сера из слоновьего уха, – ответил Кип, с трудом сохраняя невозмутимый вид. – Как насчёт двойной порции?

ТОРГОВЫЙ АВТОМАТ

Следующий день, как и все прекрасные воскресенья на свете, обещал, что жизнь изменится к лучшему. Кип и его отец валялись в кроватях утром и бездельничали днём до обеда. Но, как всегда, вечер слишком быстро сменился ночью, и новый понедельник грозно шагнул на порог, чтобы раздавить каблуком краткий выходной.

Кип, как обычно, сидел в самом дальнем ряду, стараясь казаться незаметным, чтобы его никто не трогал. Но этим тоскливым утром тоскливого понедельника он то и дело нащупывал в кармане гладкую прохладную монетку, желая убедиться, что она всё ещё здесь.

Когда уроки закончились и никто не сказал ему «пока», Кип заторопился к выходу, где его уже ждала Ашли. Ему нужно было пройти мимо одноклассника Олли Гортонa, который

поставил целью своей жизни сделать существование Кипа как можно более невыносимым. Мальчишка вечно похвалялся своим охотничьим ножом, как будто ему доставляло особое удовольствие наводить страх на других учеников.

«Не оборачивайся, Олли, – мысленно твердил Кип. – И не спрашивай меня, кто такая Ашли».

Спина Кипа сгорбилась, стоило ему вспомнить о Когтистом стуле. В течение последних недель кто-то каждый день тайком менял его стул на другой, с торчащим из сиденья острым гвоздём. Кип подозревал, что это дело рук Олли, и однажды при всех обвинил одноклассника. До драки так и не дошло, но на следующий день кто-то розовым маркером с блёстками нарисовал на парте Кипа нож, а Когтистый стул продолжал таинственно появляться.

Кип похлопал Ашли по плечу и как можно быстрее зашагал вперёд.

– Где пожар? – простонала Ашли, у которой не получалось одновременно отправлять сообщения и не отставать от ударающего из школы Кипа. – Стой! Мне нужно купить помидоры.

Кип остался ждать перед входом в магазин, наблюдая за муравьём, тащившим хлебную крошку. Он проследил за ним до угла здания и вдруг увидел новенький автомат по продаже жвачки, установленный на толстой чёрной ножке.

«Наверное, его привезли в выходные», – подумал Кип.

Верхняя часть автомата была прозрачной, но вместо жвачки внутри лежала груда пластиковых яиц.

А на нижней стальной части оказались написаны уже знакомые Кипу три слова.

ИЗМЕНИ СВОЙ МИР

Кип достал из кармана золотую монетку и изучил надпись, изгибавшуюся над портретом королевы.

«Ну конечно, я уже видел это раньше!»

Трудно перечислить, как много всего он хотел бы изменить в своём мире, но по-настоящему важно было лишь одно. Пальцы Кипа сомкнулись вокруг кусочка кварца, как всегда, спрятанного под рубашкой.

Вариант был действительно только один. Монета со звоном покатилась в автомат: через несколько секунд на поднос выпало пластиковое яйцо. Кип стиснул его в кулаке, и сердце мальчика сразу сжалось от волнения.

Пластиковое яйцо легко раскрылось, а внутри Кип обнаружил два предмета: нагрудную бирку-бейджик с защитной отрывной плёнкой и сложенный листок бумаги.

– Серьёзно? Дурацкий бейджик? Жульничество!

Кип сердито сунул бейдж в карман и развернул листок, надеясь, что обнаружит что-нибудь поинтереснее. Меньше всего на свете он ожидал увидеть игру «Найди слово».

Тема была необычная: «Типы энергии». Двенадцать тёмно-красных букв, расставленных в произвольном порядке. Под загадкой кто-то оставил надпись, сделанную теми же красными чернилами.

Кип мгновенно узнал почерк с конверта.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА У ТЕБЯ УЖЕ ЕСТЬ

Вопросы хлынули из его головы, как лавина воды с плотины гидроэлектростанции.

«Вторая половина чего? Разве может быть, что они обращаются ко мне? Кто мог знать, что я брошу монетку в автомат? И что мне достанется именно это яйцо?»

Кип вытащил из кармана бейджик. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что он бракованный: на обратной стороне не было булавки, чтобы прикрепить бирку на одежду. Защитная плёнка легко снялась, открыв изображение свечи с узором из пчелиных сот. На каж-

дом конце свечи горел язычок белого пламени, и в каждом язычке оказался нарисован золотой глаз.

Кипа как будто обожгло изнутри.

Изображение на монете!

Теперь всё становилось ещё меньше похоже на совпадение. Невероятно, но приходилось признать, что кто-то это спланировал. Кто-то пытался передать Кипу послание!

Зазвенели дверные колокольчики, и из магазина вышла Ашли.

– Чёэта? – неразборчиво спросила она, покосившись на бейджик.

– Ничего, дурацкий рекламный подарок, – ответил Кип, убирая бирку в карман.

Вскоре он очутился в своей спальне, вдали от любопытных глаз. Всё выглядело совершенно обыденно и безмятежно: до заката оставалось несколько часов, поэтому Розочка сладко спала в гамаке. Кип бережно разложил на столе письмо, переданное дроном, бейджик с изображением свечи и загадку.

Первым делом он взялся за загадку и впился глазами в цепочку букв, закольцованных в бессмысленное слово.

З Х Д Н К И С И В Ч Р О

Кип целую вечность ломал голову над двенадцатью буквами. Он читал их так и эдак. Прямо и задом наперёд. Вверх ногами и при помощи зеркала в ванной, на тот случай, если они как-то хитро преобразятся в отражении.

– Анаграмма! – ахнул он в какой-то момент, вспомнив об этом литературном приёме, когда из нескольких букв можно составить то или иное слово.

Кип потратил уйму времени, пытаясь превратить загадочные буквы во что-нибудь осмысленное, но лучшее, что у него получилось, было:

*СКОРЧИ ВИД
ОДИН ЧИХ
РВИ КОД*

и даже

ДРОН ИКС

«Нет, ничего не выходит, – сдался Кип. – Попробую что-нибудь другое».

На столе оставались лежать без дела бейджик с нарисованной свечой и конверт. Первым делом Кип взялся за бейдж. Сбоку бирки имелся защитный слайдер, Кип подвигал его туда-сюда, но поскольку ничего интересного это не дало, он схватил конверт.

Конверт был сделан из самой обычной бумаги, что ровным счётом ещё ничего не означало. Кип решил изучить надпись. Ни одна из букв, которыми написали его имя, не была подчёркнута, выделена жирным или ещё как-нибудь обозначена. Скрытых отделений тоже не обнаружилось.

Мальчик принёс из кухни лимонный сок и капнул на конверт, на тот случай, если на нём есть невидимые чернила. Это не привело ни к каким результатам, кроме запаха лимонов. Потом в клетке раздалось дребезжание, и Кип оглянулся на Розочку, которая грызла панцирь каракатицы.

– Что я упускаю, Розик? – спросил он.

Кип открыл дверцу клетки и показал Розочке бейджик, головоломку и конверт. Белка-летяга спрыгнула вниз, нерешительно протянула лапку и понюхала конверт.

ЦИФЕРБЛАТ

– Ты права, – сказал Кип. – Это точно конверт. Всё дело в нём. Но что именно?

Он посмотрел на марку в поисках отметки, сообщающей, откуда отправили письмо. И вдруг восторг искрой пробежал у него между рёбер – его осенило.

– Я понял, Розочка! Зачем клеить марку на письмо, которое будет доставлено дроном? На первый взгляд марка выглядела самой обычной: маленькая, гладкая, квадратная.

– Может, она раскладывается?

Но она оказалась тонкой и плоской, как и положено быть почтовой марке. На ней имелась картинка с изображением кирпичной часовой башни с жёлтым циферблатом.

В коридоре, за дверью, одобрительно тикали фамильные часы Брэмли.

«Наверное, это и есть ключ?» – подумал Кип.

Но жёлтый циферблат на марке был пуст: Кип не заметил ни стрелок, ни цифр. Мальчик смотрел на него так долго, что в глазах поплыло.

– Кто-нибудь дома? – раздался в коридоре голос Тео.

Кип убрал бейджик и головоломку в конверт, который спрятал под подушку, и выбежал навстречу отцу. После ужина он ещё час поиграл с Розочкой в «Найди изюминку», но затем почувствовал, что у него слипаются глаза, и с облегчением забрался в кровать.

Поздно ночью, в самый тёмный час, Кипа будто кто-то разбудил. Мальчик резко открыл глаза, вспоминая сон, который почти мгновенно ускользнул и растаял. Кип встрепенулся, вспомнив нерешённую загадку, и отогнул уголок подушки. Сейчас он сразу увидел, что на конверте и в самом деле было что-то необычное. Уголок с маркой светился тихим желтоватым светом.

Кип мгновенно вскочил с постели и отдернул занавеску. Он не хотел включать лампу, чтобы не тревожить чувствительные глаза Розочки яркой вспышкой, а уличного фонаря вполне хватало, чтобы видеть. Белка, сидя на самой верхней площадке своей клетки, с любопытством следила за тем, как хозяин лезет под кровать за ящиком со старыми, давно забытыми игрушками. После недолгих лихорадочных поисков он поднял над головой щербатую лупу, как драгоценный трофей давно погибшей цивилизации.

Смотреть на призрачно светящийся циферблат сквозь увеличительное стекло оказалось всё равно что заглядывать в тёмный колодец, на дне которого плавала марка. И что же? На часовом циферблате, таинственно сиявшем в ночной тьме, вместо цифр были буквы!

В тусклом свете луны и луча уличного фонаря, проникавших в комнату, Кип скопировал светящиеся цифры на листок бумаги.

А О И А В К М Т Е Е К М

«Снова двенадцать букв», – подумал он.

В ящике с игрушками отыскался фонарик. Как ни странно, он даже работал, и Кип впился глазами в головоломку.

Всё правильно, здесь тоже двенадцать букв, выведенных тёмно-красными чернилами.

З Х Д Н К И С И В Ч Р О

Под буквами была загадочная подсказка: «Вторая половина у тебя уже есть».

Кип одну за другой переписал буквы из головоломки, расставляя их между теми, которые он скопировал с марки. Две половинки загадки идеально соответствовали друг другу.

– Заходи... – шёпотом читал Кип, – на... Квиксмит... вечером.

Розочка тихонько застрекотала, почувствовав, что началось нечто очень важное.

«Зайди на?.. Вечер-ком? Это сайт! “Квиксмитвечер” – точка – ком!»

Изнывая от нетерпения, Кип ждал, когда старенький ноутбук оживёт и будет готов к работе. Предвкушение чуда колотилось где-то внутри, как дробь пальцев о грудную клетку.

Когда сайт наконец загрузился, страничка оказалась почти пустой. Там было только уже знакомое Кипу изображение свечи, а ещё адрес, дата, время и его имя.

88а, Геликс-авеню, Лондон

20 марта

Кип Брэмли

Назначенное время: 09:30

Ниже находились две кнопки загрузки, которые вели к шахматной загадке и серии смайликов-эмодзи.

– Это, конечно, не вполне то, что я думал, Розочка, – вздохнул Кип. – А до двадцатого марта ещё целых две недели!

Закрыв ноутбук, Кип почувствовал, что у него слипаются глаза, и забрался в кровать. Розочка тихо несла стражу, следя за тем, чтобы хозяин был цел, невредим и в безопасности. Со своего наблюдательного пункта на верхнем этаже она смотрела на уличные фонари, которые упрямо цеплялись за ночь и не спешили гасить желтоватый свет.

Белый мотылёк бодро кружил под фонарём. Маленькая белка-летяга с любопытством глазела на него, пока по небу не начало разливаться оранжевое сияние, цвета любимого апельсинового джема Кипа.

Глава 2

ГРУББИНГ

О, как она упивалась звуком собственного голоса! Кип предполагал: Груббинг стала учительницей только для того, дабы бесконечно слушать свой голос, указывающий людям, что им делать каждый день недели, семестра и года.

Кип закрыл глаза и стал думать о сайте. «Квиксмит... что это такое? Кто прислал мне загадки? И откуда они узнали, что я люблю разные головоломки?»

В этом укромном уголке, куда не мог прийти никто посторонний, в тёмном пространстве за его закрытыми веками, во все стороны, как беспокойные завихрюшки, разбегались бесконечные вереницы вопросов и возможностей.

– Мистер Брэмли!

Голос у Груббинг был низкий, как у гоблина, вероятно, из-за сигарет, которые она курила одну за другой в закутке за дверью учительской.

– Спим в классе?

– Простите, мисс Гру... мисс Гниббург. Нет, я просто внимательно слушал.

– По-моему, веки у тебя работают, не так ли? Почему бы тебе не слушать меня с открытыми глазами? – прохрипела Груббинг под радостный гогот всего класса. – Раз уж ты проснулся, – продолжала она, – будь добр, выйди к доске и нарисуй нам структуру клетки.

Мальчик обречённо выбрался из-за парты, потащился к доске и взял маркер, а Груббинг в это время принялась читать вслух параграф из учебника. Кип нарисовал клеточную мембрану – оболочку – и уже приступил к ядру, но вдруг его мысли снова уплыли в сторону. Что поделатъ, если сегодня он просто не мог не размышлять о двух загадках со странного сайта!

Словно издалека он услышал новый взрыв дружного хохота и даже успел подумать, чем ещё рассмешила класс Груббинг.

Однако это была не Груббинг.

– Мисс! Мисс! – услышал Кип пронзительный вопль Олли Гортон. – А Кип опять рисует червяков!

– Кип Артур Брэмли! – холодно рявкнула Груббинг.

Кип вздрогнул и съёжился – в одно и то же время.

Он в отчаянии посмотрел на доску. Схема клетки, которую он начал рисовать, теперь превратилась в завихрюшку: длинную спираль, от которой ответвлялись всё более мелкие и совсем мельчайшие спиральки.

– Я уже сбилась со счёта, подсчитывая, сколько раз ты бездельничал на уроке за последние несколько месяцев. На этот раз мне придётся сделать запись в твоём дневнике. Дженифер, будь добра, выйди к доске и исправь это... произведение.

Кип поплёлся на своё место, мечтая забраться в шкаф и никогда не вылезать оттуда. Каждый день по дороге в школу он воображал, что сегодня наконец случится что-нибудь такое, благодаря чему ему больше не придётся слышать гоблинский голос мисс Груббинг. Но, увы, дни сменяли ночи, а ему до сих пор не прислали приглашение вступить в армию Земли, чтобы отразить атаку пришельцев, и метеор не расплющивал в лепёшку машину Груббинг, спешившей на работу.

Каждый день, с понедельника по пятницу, мальчик отчаянно пытался избежать неприятностей, грозивших ему только потому, что он был Кипом Брэмли.

КРУЖНАЯ БРОДЯГА

«БР-Р-Р-Р-Р-Р-Ы-Ы-Ы-Ы-СЬ!»

Последний звонок. И не просто последний звонок очередного тоскливого дня, а последний звонок пятницы! Всё стало ещё лучше, когда вместо Ашли мальчик увидел отца, ждавшего его за воротами школы.

– Сюрприз! – воскликнул Тео. – У меня сегодня свободный вечер. Время мальчишника!

– Будем смотреть плохие фильмы про кунг-фу? – с восторгом спросил Кип. – Подряд, пока не надоест?

– И ужинать в пижамах!

Кип улыбнулся до ушей. Это было именно то, что ему требовалось после очередной мучительной недели в Лэдхилле.

«Время с отцом» неизменно занимало первую из пяти позиций в списке того, что Кип любил больше всего на свете: тех вещей, которые всегда поднимали ему настроение.

Остальные места в рейтинге занимали:

- Розочка;
- головоломки;
- скалолазание;
- шахматный клуб.

Мальчик постарался как можно дольше растянуть вечер с отцом, а Розочка помогала ему, развлекая Кипа и Тео своими лучшими акробатическими трюками. Но всему на свете рано или поздно приходит конец, наступил он и на этот раз. Кип уснул, наполненный до краёв вкусной едой, смехом и тёплым ощущением свободы выходного дня.

Чудесное ощущение оставалось с ним и на следующее утро, когда он проснулся и начал готовиться к выходу «в свет».

Члены шахматного клуба, которым руководила миссис Ола, собирались каждое субботнее утро. Обычно заседания проходили в местном культурном центре, но на дворе по-прежнему стояла хорошая погода, и встреча снова состоялась на свежем воздухе.

Автобус номер шестнадцать, как всегда, остановился на окраине Лифилдского парка, и Ашли довела Кипа до каштана.

– Буду в двенадцать, – напомнила она, улыбаясь чему-то в своём телефоне.

До начала ещё оставалось время, поэтому Кип потуже подтянул лямки рюкзака и с разбега взлетел на ствол. На физкультуре в старой школе он два года подряд был первым по скалолазанию, вот и теперь мальчик без малейших усилий карабкался по веткам, как шустрый лемур в поисках дичи.

– Ну что, больше дронов не видел? – спросил Кип у каштана, подтягиваясь на Срединную ветку.

За последний месяц он как следует отполировал кору широкой, почти горизонтальной ветви при помощи кухонного ножа. Джемпер служил отличной подушкой под спину, поэтому сейчас Кип с комфортом прислонился к стволу, устроился поудобнее и открыл рюкзак. Среди страниц «Книги завихрюшек» был надёжно спрятан конверт, в котором лежал бейдж с изображением свечи и два сложенных листа бумаги: загадки, которые он распечатал с сайта.

Кип развернул первый листок, на нём оказалось четыре символа.

– Здесь должен быть ещё один эмодзи: «В растерянности», – пробурчал Кип себе под нос. Вторая распечатка выглядела намного более многообещающе.

Чёрная ладья А2
Белый слон В7
Чёрный конь С6
Чёрная пёрка D5
Чёрный король Е7
Белая ладья Н4

В четвёртой строке неизвестный, видимо, по невнимательности напечатал «пёрка» вместо «пешка». Но забавная описка не могла сбить Кипа с толку. Он вытащил старую магнитную шахматную доску и бережно разложил её на самом плоском участке ветки.

Как и положено, вдоль двух сторон доски шли цифры...

7
6
5
4
3
2
1

...а с двух других сторон – буквы.

A B C D E F G H

Кип взял шесть шахматных фигур, указанных в задаче, и расставил их в нужные позиции. Потом упёрся локтями в колени и устоялся на лежащее перед ним поле битвы. Незаметно для себя мальчик перенёсся в другой мир: глаза цепко забегали по доске, перебирая различные стратегии.

Внезапно что-то легонько коснулось его лица. Кип так глубоко задумался, что только рассеянно отмахнулся. Но через несколько секунд всё повторилось. На сей раз Кип поднял голову и обнаружил, как крошечная белая бабочка выписывает мёртвую петлю прямо перед его носом. С виду это была самая обыкновенная капустница, но Кип оказался приятно удивлён, когда она решила опуститься ему на руку. Бабочка замерла, и он различил едва заметный узор на белых крылышках.

Забыв о шахматной задачке, Кип очень медленно поднял руку, стараясь не спугнуть бабочку. Теперь он ясно видел на хрупких крылышках серебристые нити, немного похожие на электрические провода.

«Впервые вижу такой узор, – подумал Кип. – Наверное, ты очень редкая».

Неожиданно где-то прозвенел велосипедный звонок, и бабочка, испуганно вспорхнув, снова пустилась в свой хаотичный танец. Кип осторожно привстал, держась рукой за корявый нарост ствола. Он попытался поймать насекомое, но оно бесследно растворилось на белом фоне облачного неба.

«Надо дать тебе какое-нибудь особенное имя. Электронная вспышка? Вихрь с серебристыми прожилками? Кружная бродяга?»

– Кружная бродяга! – вслух произнёс он. – Точно!

– Ты здесь, Кип? – раздался старческий голос.

Кип посмотрел вниз со своей Срединной ветки. Сегодня миссис Ола щеголяла в огромной коричневой шляпе от солнца, смахивающей на гигантский гриб, выросший на её голове в честь Пасхи. С первого взгляда становилось ясно, что когда-то миссис Ола была редкой красавицей, да и сейчас могла бы без труда выиграть состязание на титул «Мисс Морщинистая Вселенная». Когда Кип впервые познакомился с ней, он и представить себе не мог, что рассеянная пожилая дама, заправлявшая шахматным клубом, является блестящим гроссмейстером.

Очень осторожно, чтобы не обрушить на землю шахматный ливень, Кип собрал свои вещи в рюкзак.

– Я тут, миссис Ола! – крикнул он. – Одну минуточку!

Задача могла и подождать.

«ПОДВОДНЫЙ МИР»

Свет, просочившийся в щель между занавесками, разбудил Кипа вскоре после рассвета. Целое море восторга заплескалось в животе мальчика, когда он вспомнил, что прошла ещё одна неделя, и сегодня наступил долгожданный день!

За дверью надрывно застонал водонагреватель, значит, Тео уже встал и пошёл в душ. Чуть позже Кип услышал, как отец прогуливается по квартире, распахивая окна, чтобы впустить в комнаты свежий весенний воздух.

Кип лежал в кровати и обдумывал свой план. Когда он забил в поисковик адрес, указанный на сайте, то оказалось, что нужное место находится совсем рядом с Лифилдским парком, а значит, можно попробовать украдкой улизнуть на часок из шахматного клуба и незаметно вернуться обратно.

– Понимаешь, мы пока не можем рассказать обо всём папе, – шепнул Кип Розочке. – Он только разволнуется понапрасну.

Одеяльце, накинутое на колыбельку из скорлупы кокосового ореха, зашевелилось, и на Кипа посмотрели два больших внимательных глаза, похожих на шоколадные драже.

«Это происходит на самом деле!» – подумал Кип.

Почувствовав его волнение, Розочка выпрыгнула из кокосовой колыбельки и завертелась вокруг себя в гнездышке из старых носков.

– Это происходит на самом деле, Розочка, – вслух повторил Кип.

Приключение было где-то совсем рядом, оно ждало Кипа и уже заводило мотор.

Не успела Ашли высадить мальчика около парка, как он сразу заметил в воздухе что-то маленькое, белое, порхающее и блестящее под солнцем, будто обрывок фольги, пойманный ветром.

– Кружная бродяга? – удивлённо ахнул он.

На какое-то мгновение Кипу почудилось, что бабочка сейчас подлетит прямо к нему, но она скрылась за скамейкой.

Миссис Ола и Аакаш только-только начали расставлять шахматные столы.

Раньше Аакаш Гурунг преподавал изобразительное искусство в Лэдхилле. А до этого он служил в армии и объехал весь мир. Он всегда носил шляпу без полей и элегантный серый

костюм, а из кармашка его пиджака выглядывал аккуратный треугольничек носового платка. Вероятно, до выхода на пенсию он был любимым учителем школы.

– Что хорошего нарисовал за последнее время? – поинтересовался он у Кипа, расставляя фигуры.

– На этой неделе почти шесть листов, – ответил Кип. – Одна картина немного похожа на отпечаток пальца. Но я сегодня не принёс «Книгу завихрюшек».

– Кто играет первый? – спросила миссис Ола, поднимая глаза от доски.

– Извините, – сказал Кип. – Так получилось, что у меня на девять тридцать назначена одна встреча, мне надо отлучиться. Это недалеко, – поспешил добавить он, – на другой стороне парка.

Миссис Ола ещё не успела и рта раскрыть, как Аакаш уже встал из-за стола.

– Вообще-то мне нужно заглянуть в магазин. Если миссис Ола согласится ненадолго меня отпустить, я с удовольствием составлю тебе компанию.

Чем дальше они отходили от шахматных столов, тем тише и пустынное становилось в парке. Вскоре Кип увидел и улицу.

– Вот здесь! Спасибо, дальше я отлично сам доберусь, – заявил он, надеясь, что не придётся объяснять всё с начала до конца, вместо того чтобы немедленно пуститься на поиски приключения. Но ему не стоило волноваться.

– У тебя в телефоне есть номер миссис Ола? – уточнил Аакаш. – Позвони нам, если возникнут проблемы.

На Геликс-авеню было совсем немного магазинов, а в витринах в основном красовались вывески «Закрито». Похоже, вся улица ещё спала.

Дом номер восемьдесят восемь оказался ювелирным бутиком с металлическими жалюзи, опущенными поверх окон. За ювелирным находился магазин аквариумов под названием «Подводный мир». Кип присмотрелся: вроде бы открыт, но на двери не имеется ни цифр, ни буквы.

Следующее здание, номер девяносто по Геликс-авеню, было обычным жилым домом с аккуратными занавесками на окнах.

На другом конце улицы Аакаш отошёл от газетного киоска и помахал Кипу рукой. Мальчик тоже махнул в ответ и снова сверился с адресом.

«88а, Геликс-авеню».

Он помялся перед дверью магазина аквариумов.

«Наверное, можно спросить у хозяина», – решил он и переступил порог.

Зал заливал тихий желтоватый свет, который исходил от сотен аквариумов с рыбками, бесконечными рядами стоявших на полках. Кип повёл носом. Пахло пряными водорослями.

Рядом с дверью обнаружился столик, за которым сидел владелец «Подводного мира», погружённый в чтение журнала. На обложке был изображён бритый мужчина с огромными пышными усами. Хозяин держал журнал так высоко, что создавалось впечатление, будто усатое лицо с обложки принадлежит ему.

– Э-э-э... – промямлил Кип. – Скажите, пожалуйста, это дом восемьдесят восемь а?

Журнал опустился на пару сантиметров, открыв две мохнатые чёрные брови.

– Он самый, – раздался грубый голос из-за обложки.

– Квиксмит... это где-то здесь? – предпринял очередную попытку Кип.

Журнал очень медленно опустился ещё ниже. Два зорких ястребиных глаза внимательно впились в Кипа.

– Здесь «Подводный мир», – произнёс сердитый голос.

Мужчина положил журнал на столик. Не будь Кип на задании, он бы непременно расхохотался, увидев, что усы у хозяина точь-в-точь такие же, как на обложке, да ещё вдвое гуще, чем сросшиеся брови.

– Карта привела меня сюда, – сказал Кип, решив не сдаваться.

Неприветливый хозяин магазинчика выхватил у него распечатанную карту, пристально изучил её, покрутил в разные стороны.

– И что с того? – буркнул он наконец, снова взяв со стола журнал.

– А как же вот это? – спросил Кип, вспомнив про бейдж с изображением свечи, и протянул его густобровому хозяину.

– Это что? – хмыкнул тот. – Сюрприз из рождественской хлопушки?

Владельцу «Подводного мира» так понравилась собственная шутка, что он с удовольствием засмеялся, что-то приговаривая и перемежая слова громким «хе-хе-хе».

ТЕПЛЕЕ

Кип убрал бейдж в карман рубашки и вдруг похолодел, поражённый страшной мыслью. Что, если где-то в Лондоне есть ещё одна Геликс-авеню, а он каким-то образом пришёл не туда? Он быстро посмотрел на экран телефона. Девять утра. Оставался крохотный шанс, что нужный адрес окажется неподалёку.

Мужчина взял со столика трубку и сунул в рот. Он не насыпал в неё табак и не поджёт, а просто задумчиво жевал мундштук и читал.

Кип открыл было рот, решив задать новый вопрос, но тут же со стуком захлопнул челюсть, поскольку заметил кое-что на столе, рядом с белым кепи хозяина.

Квадратное пресс-папье, служащее для придавливания разных бумаг, со спиралевидным завитком внутри.

– А это что такое? – выпалил Кип, с замиранием сердца ожидая ответа.

– Ты что, никогда пресс-папье не видел? – проворчал хозяин магазина с едва заметным раздражением, не отрывая глаз от журнала.

Было очевидно: если он и знал что-нибудь, то явно не собирался легко в этом признаться.

– Я... ну... не важно, – сказал Кип. – Ладно, тогда я просто посмотрю, что здесь, если вы не против.

– Да на здоровье! Ты ведь в магазине, – буркнул мужчина. – А они для того и существуют, чтобы люди глазели.

В зале было восемь проходов, каждый обозначенный буквой. Кип заглянул в ближайший, надеясь отыскать какой-нибудь знак, который подскажет, что он всё-таки попал в нужное место, однако не обнаружил ничего интересного. Тогда он наугад выбрал ряд и побрёл вдоль аквариумов, время от времени читая таблички с названиями видов рыбок.

С3 неон-тетра

С4 гуппи

С9 гамбузия

С12 кардинал (гольян горы белых облаков)

В аквариумах имелись разные украшения – замки, русалки, сундуки с сокровищами и даже обломки затонувших кораблей. Ещё в каждой ёмкости были растения: к примеру, холмы весёлого зелёного мха, купы узких бурых листочков и широких резных листьев, похожих на ярко-жёлтую петрушку. Среди растительности плавали роскошные павлины морского мира – стайки шустрых малявок с голубыми пятнышками на животах, тучи серебристых рыб с хвостами цвета рассвета, косяки чёрных рыбёшек с развевающимися чёрными гребешками (сборища последних смахивали на карнавал ниндзя).

В каждом аквариуме сбоку был выключатель света. На выключателях вроде бы имелись миниатюрные логотипы, но в зыбком сумраке их оказалось трудно разглядеть.

Кип вытащил телефон и разблокировал его, чтобы подсветить аквариум. Логотип стал виден, и угасшее было волнение вернулось словно бумеранг: на выключателе была свеча, горящая с двух концов!

Мальчик щёлкнул выключателем. Свет в аквариуме из жёлтого сделался белым, но больше ничего не произошло. Кип погасил его и пошёл дальше.

На стене в глубине магазина висели часы: было уже девять двенадцать. Внутри у Кипа всё буквально чесалось от нетерпения.

«Что обо мне подумают, если я опоздаю?»

Сомнений не оставалось: ответы на загадки где-то здесь! Эмодзи, как и раньше, выглядели совершенно загадочно, поэтому Кип взялся за шахматную задачу.

*ЧЁРНАЯ ЛАДЬЯ A2
БЕЛЫЙ СЛОН B7
ЧЁРНЫЙ КОНЬ C6
ЧЁРНАЯ ПЁРКА D5
ЧЁРНЫЙ КОРОЛЬ E7
БЕЛАЯ ЛАДЬЯ H4*

И его вдруг осенило. Что, если пол в магазине выложен плиткой в шахматную клетку?

Но как только он опустил глаза, догадка померкла. Пол был самый обыкновенный, цвета обычного пола.

Свернув в следующий проход, Кип внезапно застыл возле одного аквариума, хотя не сразу понял, что именно его привлекло. Рыбки тут были пугливые и прятались в пещерках в гряде камней.

Кип пощёлкал выключателем.

Красный, жёлтый, красный, жёлтый, красный. И вдруг он увидел её. Невзрачную коричневую рыбку с широкими плавничками, чёрными по краям. А на табличке в нижней части аквариума была надпись с дополнительным названием на латыни: «Чернопёрка (Trematomus nicolai)».

Чернопёрка... А можно и так... чёрная пёрка!

Не смея вздохнуть, Кип смотрел на табличку. Потом перевёл глаза на номер аквариума.

D5

Мальчик сверился с распечаткой и со всех ног бросился в соседний проход. Около седьмого аквариума он остановился как вкопанный: на холмике белого песка возвышалась декоративная скульптура в виде головы истукана с острова Пасхи. Только на этой голове красовалась чёрная корона.

Чёрный король E7

Теперь Кипа уже ничто не могло остановить, и очень скоро он нашёл все аквариумы, перечисленные в загадке.

«А дальше? Не могу же я в них залезть! – думал он. – Аквариумы закрыты, некоторые стоят слишком высоко. Не говоря о том, что у меня даже сачка нет!»

Но когда он прижал ладонь к стеклу аквариума с белой башней-ладьей внутри, на него снизошло озарение.

Выключатели!

Один за другим, Кип принялся зажигать красный свет в каждом из шести аквариумов. Когда щёлкнул последний выключатель, из глубины зала донёсся скрипучий механический звук, и Кип, не чуя под собой ног, помчался туда.

В углу стояла самая обыкновенная фотобудка. Которой здесь совершенно точно не было раньше.

– Рыбам не нужны паспорта, – пробормотал Кип.

Сквозь стеклянную стену аквариумов он уставился на хозяина, который был настолько поглощён чтением журнала, что напрочь забыл о присутствии посетителя в магазине.

На дверном проёме фотобудки висела занавеска в жёлто-красную полоску, которую мальчик, забравшись внутрь, задёрнул за собой. Как только он сел на табурет, то сразу почувствовал странную теплоту в кармане рубашки. Он вытащил бейджик: оба язычка пламени слабо светились. Поверьте, было просто невозможно не совершить победный виток на крутящемся табурете, ведь Кип отлично понял смысл послания бейджика.

Теплее!

В будке не было ни клавиатуры, ни слота для монет и купюр, лишь одна большая чёрная кнопка. Кип нажал на неё и посмотрел на зеркальный экран: над ним полыхнул глазок фотокамеры, потом наступила пауза, затем последовали ещё три вспышки. Когда съёмка закончилась, мальчик стал ждать. Ничего не происходило. Он высунул голову наружу и посмотрел на лоток для выдачи снимков.

Тот был пуст.

Кип задумался, сидя в будке. Он вспомнил свой прошлогодний день рождения и ленту снимков, засунутую в фоторамку, которая стояла на кухонном подоконнике.

«Мы с папой корчили рожи», – сообразил он, охваченный волнением.

Он посмотрел на оставшуюся загадку. Четыре эмодзи. Четыре разных выражения лица.

Кип внутренне приготовился и снова нажал на кнопку, делая нужное лицо при каждой вспышке камеры.

Изобразил печаль.

Улыбнулся.

Нахмурился.

Удивился.

Невидимый механизм включился где-то в глубине будки и заработал с такой силой, что табурет затрясся. Кип в страхе вскочил, но шум прекратился так же внезапно, как начался. Несколько секунд всё было тихо, после чего раздалось негромкое «ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш».

В боковой стене фотобудки возникли очертания двери, створка приоткрылась внутрь примерно на сантиметр, и Кип почувствовал на лице дуновение ветерка, пахнущего сосновой хвоей. В узкой щели виднелось синее небо, зелёная трава и кусочек гравийной тропинки.

«Не может быть».

Кип в свою очередь слегка приоткрыл занавеску и выглянул наружу. Хозяин был по-прежнему увлечён чтением. Тогда мальчик закинул на плечо рюкзак, распахнул дверь и переступил порог.

А в это самое время среди аквариумов мелькнул маленький белый вихрь. Как только бабочка подлетела ближе, опустевшая фотобудка издала последний щелчок, и на поднос выдачи выпала полоска снимков. На ней были запечатлены четыре лица Кипа, чернила быстро высыхали на фотобумаге.

Грустный Кип.

Счастливый Кип.

Сердитый Кип.

Потрясённый Кип.

Глава 3

САД ГИГАНТСКИХ СКАЧКОВ

Что происходит?

Мальчик ощущал щекотку в гортани, как будто ему хотелось чихнуть, при этом к горлу подступала тошнота. Грудь согревало престранное ощущение, которое Кип смог бы описать только словами «кипучая пенистость». Всё было как в тумане. Он несколько раз моргнул и крепко зажмурился, дожидаясь, когда непонятное ощущение исчезнет.

И... открыл глаза!

Когда мир сфокусировался, Кип ошеломлённо огляделся по сторонам. Всего несколько мгновений назад он находился в фотобудке магазина «Подводный мир». А теперь он стоял на резном деревянном мостике над аккуратно подстриженной лужайкой. Сорока громко трещала и что-то клевала в траве.

От моста убегала гравийная дорожка, и поскольку Кипу не пришлось на ум ничего другого, он решил прогуляться по ней. Вскоре он понял, что выбрал лишь одну из множества тропинок, которые вели к высоким металлическим воротам на дальнем конце лужайки.

Возле ворот стоял человек, прикрывая ладонью глаза от солнца.

А над его головой гигантской аркой изгибалась надпись:

КВИКСМИТ

Ниже парили три чуть менее гигантских слова:

школа Странной энергии

Издаലെка этот человек показался Кипу бородатым, но, приблизившись, он обнаружил, что подбородок и щёки незнакомца покрыты татуировками в виде тёмно-фиолетовых плетей ежевики. На переносице массивного носа сверкали зеркальные треугольные очки, выглядевшие совершенно неуместно на фоне грозной раскраски лица. Вторую пару очков с красными стёклами мужчина задрал на макушку, а к его рубашке был приколот бейдж с изображением свечи, точно такой же, какой лежал в кармане у Кипа.

Татуированный тип приветливо распростёр руки.

– Молодец! – воскликнул он, делая шаг вперёд и тепло пожимая руку смущённому мальчику. – Отлично, Кип! Ты всё-таки попал сюда! Я знал, что ты справишься!

– Но... как?.. – Кип не мог правильно сформулировать вопрос. – Кто вы такой?

– Я профессор Мотукомухумуху Канекенеке.

В те несколько секунд, в течение которых мужчина и мальчик молча разглядывали друг друга, Кип пытался сообразить, как он сможет когда-нибудь запомнить столь невероятное имя. Тёмные глаза профессора смотрели на него внимательно и весело, с едва заметной хитринкой.

– Все зовут меня просто профессор Мо, – рассмеялся он.

Кип взглянул на буквы, изгибавшиеся над головой профессора. Он до сих пор не мог поверить в произошедшее. Но как это проверить? Пожалуй, никто не сможет во сне ущипнуть самого себя за щёку? Мальчик сунул руку в карман и впился ногтями в ладонь. Ощущение оказалось весьма реалистичное.

– Значит, это и есть Квиксмит? – спросил он.

Профессор Мо кивнул и просиял.

– Но как я мог попасть сюда из магазина? – спросил Кип.

– Проще простого – через червоточину, – ответил профессор Мо.

Кип сделал глубокий вдох и огляделся по сторонам. Вокруг был всё тот же тихий загородный сад и уже пара деловитых сорок.

Но сейчас, приглядевшись повнимательнее, Кип понял, что в этих бесчисленных парковых тропинках всё-таки имелось нечто странное: ни одна из них никуда не вела! Ближайшая упиралась прямо в ствол дерева. Соседняя заканчивалась перед поросшей мхом каменной лесенкой из трёх ступенек, которые обрывались в воздухе. А чуть поодаль виднелась самая диковинная, спиралевидная тропка, туго закручивавшаяся вокруг собственного центра.

– Это Сад Гигантских скачков, – произнёс профессор Мо, отвечая на незаданный вопрос Кипа. – Пересадочный узел в паутине червоточин, позволяющий быстро перемещаться из одного места в другое. Сегодня ты один из наших первых посетителей, другие кандидаты со всего мира будут прибывать в течение дня.

– Пересадочный узел? – переспросил Кип, у которого голова шла кругом. – Значит, мы сейчас недалеко от Геликс-авеню?

– Расстояние – это лишь иллюзия, – загадочно ответил профессор Мо, приподнимая бровь.

– Но где же мы сейчас?

– Можно сказать, что на острове: только не в привычном понимании этого слова, – проговорил профессор Мо. – Квиксмит не случайно основан именно тут. В этом месте пересекаются очень важные потоки энергии.

СТРАННАЯ ЭНЕРГИЯ

Кип уставился на парящие в воздухе слова.

– Важные потоки энергии? – уточнил он вслух.

Профессор Мо стащил с макушки красные очки, достал из кармана рубашки элегантный квадратик зелёного шёлка и тщательно протёр стёклышки.

– Именно так. А теперь выслушай меня внимательно, Кип. Миллиарды лет тому назад Вселенная претерпела изменения, природу которых мы до сих пор пытаемся постичь. Можно сказать, она начала зарождаться. Когда она сделала первый вздох, стало разворачиваться время, по крайней мере, то, которое мы более-менее понимаем.

Профессор Мо сменил красные очки на зеркальные, затем опять на красные, а потом продолжил рассказывать с таким воодушевлением, словно открывал для себя нечто неизведанное.

– Вместе с первым дыханием Вселенной возникла безымянная, бесформенная и бесконечная сила невообразимой мощи. Позже она разбилась на сотни видов энергии. Некоторые виды этой энергии тебе хорошо знакомы и не представляют никакой тайны. Свет. Тепло. Микроволны. Но существуют весьма редкие и загадочные виды, так называемые Странные энергии.

Профессор протянул руку и коснулся пальцами буквы С в слове, висевшем над их головами.

Огромная перламутровая буква закружилась вокруг своей оси, рассыпая искры, как вращающийся фейерверк «Колесо Екатерины». Когда профессор Мо снова заговорил, искры дождём хлынули на землю, оставив тёплое покалывание на лице и руках Кипа.

– Люди похожи на лампочки, которые вспыхивают, когда сотни потоков различных энергий проходят сквозь них и мимо них. Когда мы рождаемся, мы близки к Вселенной. Мы ощущаем и постигаем мир таким, каков он есть на самом деле. Вот почему младенцы выглядят так, будто им известно нечто, недоступное нам. К сожалению, по мере взросления многие утрачивают чудесный дар. Но ты и я – мы настоящие счастливицы. Мы до сих пор сохранили способность ощущать Странные энергии.

– Ощущать энергии? – тупо переспросил Кип.

– Разумеется, мы видим какую-либо Странную энергию (иногда мы используем для удобства единственное число) и слышим её. Кроме того, мы способны чувствовать её, как чувствуем капли дождя на коже или рокот сердца-барабана в груди. Подожди, ты сам увидишь, что может дать тебе Квиксмит! Очень скоро жизнь Странной энергии засияет для тебя намного ярче, Кип!

Кип ещё обдумывал слова профессора, когда тот повёл мальчика через кованые ворота к высокому чёрному зданию, густо поросшему зелёным мхом и седыми лишайниками. За ним вздымались силуэты других построек, а выше всех взлетала в небо башня из белого стекла.

Они очутились во внутреннем двореке, в который выходили ряды сводчатых окон, вырезанных в чёрных стенах.

– Это Небесный дворец, одно из четырёх главных зданий в школе Квиксмит, – объяснил профессор Мо. – Мы сейчас находимся в Конфуцианском двореке. А теперь нужно тебя зарегистрировать, Кип.

В центре дворика рос огромный дуб. Под ним стояла женщина, одетая в чёрный комбинезон. У неё были высокие широкие скулы, коротко подстриженные угольно-чёрные волосы и длинная чёлка. Кип ещё никогда не видел таких глаз, как у неё: тёмных, блестящих, в форме продолговатых яблочных семечек.

– Кип, это Тамара Окпик, глава нашей службы безопасности.

– Очень приятно познакомиться, мистер Брэмли, – сказала Тамара.

Кип с подозрением посмотрел на неё. «Мистер Брэмли» – именно так называла его Груббинг, когда мальчик в очередной раз попадал впросак, однако он вынужден был признать, что в устах Тамары Окпик официальное обращение прозвучало гораздо приятнее.

– Далее, с твоего разрешения, – продолжил профессор Мо, – нам надо снабдить тебя Шифростражем.

– Все посетители, ученики и профессора, – подхватила Тамара, – должны дать согласие хранить тайны школы Квиксмит. В прошлом бывали случаи, когда злоумышленники – настоящие негодяи – пытались украсть наши технологии, к которым остальной мир, увы, пока не готов. Шифростраж заботится о том, чтобы важная информация даже по чистой случайности не могла просочиться за пределы школы.

Окпик вытащила из кармана флакончик (Кип подумал, что в таком обычно бывают глазные капли) и хорошенько его встряхнула. Жидкость внутри помутнела и приобрела белесоватый молочный оттенок.

– Не беспокойся, ты сможешь рассказать о дне открытых дверей и обо всех, кого здесь встретишь, – добавил профессор Мо, заметив, что Кип колеблется. – Но всё, что касается Странной энергии, а также некоторые конфиденциальные аспекты нашей работы должны оставаться тайной. Об этом нельзя говорить ни сейчас, ни в будущем.

– Шифростраж имеет дополнительную функцию, – произнесла Тамара. – Если ты не хочешь поступать в Квиксмит, Шифростраж поработает над твоими воспоминаниями и перемешает их таким образом, что вся история твоего попадания сюда станет казаться тебе просто приятным сном.

– Шифростраж сделает это и в том случае, если сегодня ты решишь сюда поступить, но позже надумаешь уйти, – вставил профессор Мо. – И если школа проголосует за твоё исключение.

– Проголосует?

– Да, – кивнул профессор. – Видишь ли, у нас не так много правил, но если ученик или наставник нарушит хотя бы одно, школа общим голосованием решает, может ли этот человек и дальше оставаться в наших стенах.

Тема воспоминаний всегда приводила Кипа в состояние полной боевой готовности. Вот и сейчас он не смог не подумать о маме.

– Скажите, ваш Шифростраж может не закодировать воспоминания, а раскодировать их? – спросил мальчик.

– К сожалению, так он не работает, – ответила Тамара.

Она открутила крышечку флакона.

– Смотри, я сначала закапаю себе, чтобы ты убедился: это безопасно.

Кип внимательно наблюдал за её действиями, а потом запрокинул голову и принялся ждать. Странно, но по ощущению всё оказалось больше похоже на дуновение воздуха, чем на капли.

– И Свечу лучше носить на одежде, – сказала Тамара, показав на свой бейджик, приколотый к комбинезону.

Следуя её указаниям, Кип сдвинул слайдер и прижал бирку к рубашке. Бейдж намертво пристал к ткани, как будто приклеился. Профессор Мо поблагодарил Тамару и повёл Кипа дальше, к сводчатому проходу в стене.

– Свеча открывает все червоточины, соединяющие узел школы Квиксмит с остальным миром, – произнёс профессор на ходу. – Кстати, она подключает тебя к системе КОТИК.

– К какому котик? – не понял Кип.

– Ох, ну я и рассеянный! Прости, но почему бы тебе самому не поинтересоваться у неё? – с улыбкой предложил профессор. – Просто скажи: «Запрос к КОТИК», – а потом спрашивай, что хочешь. Попробуй прямо сейчас.

На долю секунды Кип подумал, уж не лунатик ли он. Что, если отец найдёт его в коридоре: спящего в одежде, бормочущего что-то себе под нос? Впрочем, даже если это и был сон, мальчику хотелось, чтобы он длился как можно дольше, поэтому он охотно сделал так, как посоветовал профессор Мо.

– Запрос к КОТИК: кто ты?

В ответ из ниоткуда откликнулся женский голос, прохладный и свежий, как огуречное мороженое.

– Я Колоссальный облачный таинственный интеллектуальный компьютер, сокращённо КОТИК. На самом деле я суперинтеллектуальный суперкомпьютер, но из соображений скромности, а также благозвучия обхожусь без этих эпитетов.

– Где ты? – спросил Кип, озираясь. – Откуда исходит твой голос?

– Я существую в электронных облаках. Мой голос путешествует по гиперпотокам, – ответила КОТИК. – Моя нейронная сеть, работающая по принципу сети нервных клеток живого организма, простирается под твоими ногами, подобно корням старого дуба.

– Значит, ты состоишь из Странной энергии?

– Без неё я не могу существовать.

Вот теперь Кип начал получать ответы на самые неотложные вопросы! Всё было похоже на то, как если бы он уже очень давно мучился от жажды, но даже не догадывался об этом. Но теперь, когда он случайно наткнулся на глубокий колодец, он никак не мог напиться досыта.

– Почему я получил приглашение? – спросил он.

– Ты привлёк внимание одного из наших одарённых разведчиков, – охотно ответила КОТИК. – Посла А., как мы его называем.

А.? Нет, это ни в коем случае не могла быть Ашли!

– Аакаша?

– Угадал, – ответил профессор Мо.

Кип задумчиво пожевал губу.

– Но зачем нужны были загадки?

– Отличный вопрос! – обрадовался профессор Мо. – КОТИК, не возражаешь, если мы ответим вместе? Начнёшь?

– С удовольствием, – согласилась КОТИК. – Кип, твоё тело состоит из миллиардов клеток. Некоторые из них позволяют тебе ощущать энергию. Клетки палочек и колбочек в сетчатке глаз дают тебе возможность видеть свет. Нервные клеточки кожи отвечают за способность чувствовать тепло: мы называем их рецепторами. Ты уникален тем, что во всём твоём теле находятся рецепторы Странной энергии – квиксары.

– Квиксары, – медленно повторил Кип.

– Квиксары позволяют нам исследовать мир совершенно иным способом, – вступил в беседу профессор Мо. – Закрой глаза и потри их. Только не сильно, бережно. Видишь узоры? Это твои квиксары улавливают Странную энергию, бурлящую вокруг нас.

Кип потёр глаза и долго смотрел, как иголочки света превращаются в потоки завихрюшек.

– Наверное, ты хочешь спросить, какое отношение квиксары имеют к загадкам? – добавил профессор Мо. – Видишь ли, мы ещё много лет назад опытным путём установили, что высокие концентрации квиксаров можно обнаружить в отделах мозга, отвечающих за решение головоломок.

– Значит, если человек хорошо решает головоломки, он обладает способностью видеть и ощущать Странную энергию? – сделал вывод Кип.

– С большой вероятностью, – подтвердил профессор Мо. – Этот редкий дар позволит тебе проникнуть в тайные уголки реальности. Ты сумеешь делать то, о чём раньше и подумать не мог!

– У тебя подходящий склад ума, как раз такой, какой нужен в школе Квиксмит, – заявила КОТИК. – Здесь все такие, как ты.

Кип кивнул, чувствуя себя космонавтом, делающим первые шаги по поверхности неизведанной планеты.

– И ваши разведчики ищут кандидатов в шахматных клубах?

– Это лишь одно из мест поисков. Шахматисты любят хорошие головоломки. В их чердаках очень часто полным-полно квиксаров, – пошутил профессор и постучал себя по макушке (теперь он вместе с мальчиком стоял перед арочным проходом). – И вот ещё что тебе следует знать. Твоя тетрадь – в ней не просто наброски, Кип. Мы не сомневаемся, что рисунки свидетельствуют о наличии у тебя сильной связи с одной из разновидностей Странной энергии. Но пока слишком рано судить, с какой именно. Всё станет ясно лишь со временем.

Профессор вытащил из кармана пару огромных солнечных очков в оправе в шотландскую клетку и стал неторопливо протирать их, давая Кипу время как следует осознать услышанное.

– Но ведь от рисунков у меня всегда одни неприятности, – пролепетал Кип.

– Чудовищная несправедливость! Уверю тебя, здесь такого никогда не случится, – с жаром воскликнул профессор. – Рисуй на здоровье – пока пар из ушей не повалит! Неужели ты ещё не понял, Кип? Мы хотим, чтобы ты всегда мог быть самим собой!

Школа, в которой он сможет быть самим собой? Кип почувствовал, как губы расплываются в улыбке. Однако даже эта улыбка до сих пор не была до конца уверена, что ей можно без опаски выйти на свет.

Прямо перед арочным проходом высилась мраморная статуя. Кип поднял голову, увидел суровые глаза скульптуры и её высокомерную усмешку... и оцепенел.

«Вылитый мистер Груббинг!»

– «Сэр Соломон Гриттлшэнк», – прочитал он вслух надпись на постаменте.

«Пожалуйста, пусть он не преподаёт здесь!» – мысленно взмолился Кип.

– Это один из учителей? – тихо спросил он.

– Кто? Сэр Гриттлшэнк? – удивился профессор Мо. – Господь с тобой, он умер почти четыреста лет тому назад!.. Ага, как раз вовремя! Кип, познакомься, это Лила. Она учится тут второй год, сегодня Лила – одна из наших помощниц на дне открытых дверей.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

У подошедшей девочки был беззаботный взгляд, рассеянная улыбка и остренький подбородок. Чёрные, подстриженные до плеч, волосы испещряли золотые, бирюзовые и зелёные узоры в виде павлиньих глазков. Самое интересное, что эти глазки переливались: казалось, они пронизывают пряди.

– Лила Ли, – дружелюбно представилась девочка. – Только что узнал про Странную энергию, да? Поверь мне, ты в самом начале! Квиксмит – это лучшее, что могло случиться в твоей жизни, даже лучше, чем выиграть бесконечный запас торта-мороженого (ну, или чего-нибудь другого, если ты не любишь торт-мороженое, хотя кто же не любит торт-мороженое?) – и дворцкого, который с утра до вечера ходит за тобой по пятам и подаёт тебе торт-мороженое. Хотя нет! Пусть лучше это будут щенки, согласен? Значит, он подаёт тебе щенков...

Лила сделала паузу, чтобы перевести дух, но не слишком долгую, поэтому Кип не успел вставить ни слова.

– ...то есть торт-мороженое в виде щенков! – решительно выпалила Лила.

Кип смотрел на девочку во все глаза, не веря, что она замолчала. Он впервые в жизни видел, чтобы люди говорили настолько быстро (к тому же помогали себе руками во время речи).

– Кстати, как тебе мои волосы? – спросила Лила. – Можешь не пялиться, а просто спроси! Но Кип замешкался.

– Она закончила говорить, – подсказал профессор Мо.

– Э-э-э... что ты с ними сделала? – промямлил Кип.

Улыбка Лилы подсказала мальчику, что её ответ вряд ли покажется ему осмысленным.

Лила сложила ладони рупором, приложила ко рту и громко прошептала:

– Глаз – это умение видеть невидимое, плюс павлин в качестве красоты! Как тебе символ?

Профессор Мо и Лила вывели Кипа через сводчатый проход в очередной внутренний двор. Он был намного больше первого, вдобавок его устилал ковёр свежей зелёной травы.

В самом центре высилась огромная башня из красного кирпича: точно такая же, как изображённая на марке. На ней имелось четыре циферблата, смотревших на север, юг, запад и восток, причём каждый показывал разное время.

По двору, на равном расстоянии друг от друга, были расставлены двадцать квадратных палаток из белого шёлка. Вокруг них парили и кружили бесчисленные летающие объекты: светящиеся сферы всех цветов и размеров, вращающиеся многослойные диски и парящие пирамиды с глазами.

Ну а глаза Кипа, так и норовившие разбежаться во все стороны, в конце концов остановились на девочке и мальчике, которые гонялись за стрекозой размером с птицу.

– КОТИК любит делать дроны, – объяснила Лила. – Это её хобби.

– Разве у компьютеров бывают хобби? – спросил Кип.

– Не забывай, что Котик не простой компьютер, а, во-первых, суперкомпьютер и, во-вторых, таинственный! – напомнила Лила. – Короче, добро пожаловать на день открытых дверей в школе Квиксмит! Жди всего, чего угодно, но даже не пытайся угадать, что тебя ждёт!

Словно в подтверждение её слов в ясном голубом небе беззвучно взорвался и расцвёл тёмно-розовый салют.

Ослепительные искры не погасли, а застыли в воздухе, сложившись в слово, написанное гигантскими буквами высотой с кучевое облако:

БА-БАХ!

Кип медленно обернулся, глядя на палатки и детей, бродивших по двору. Впечатление было такое, что он смотрит на всё сквозь плотный красный фильтр.

– Всё стало красное, – признался он, вопросительно подняв глаза на профессора Мо и Лилу. – И... даже на вкус тоже.

Кип pokrutil языком во рту, пытаясь понять, что происходит.

– Вишня? Суперфокус! Как ты это сделала?

– Никаких фокусов, – ответила Лила. – Просто фейерверк «Вишнёвая бомба». Торопись насладиться, он длится лишь пару минут.

– К сожалению, всего увидеть мы не успеем, – сказал профессор, – поэтому выбирай, что тебе нравится.

Они медленно пошли вдоль палаток, а Кип вслух читал вывески.

МЫСЛЕВОЛНЫ ПРЯЖА ВРЕМЕНИ СКОЛЬЗОТОК

Когда эффект фейерверка начал рассеиваться, Кип остановился перед палаткой с вывеской «ЧЕРВОТОЧИНЫ». Он поискал глазами вход, но в этот миг тощий как жердь мужчина в мотоциклетном шлеме и защитных очках откинул белое шёлковое полотнище, чуть не сбив с ног профессора Мо.

– У него четыре руки! – невольно вскрикнул Кип.

– Это профессор Стимпанк, – объяснила Лила. – Он возглавляет кафедру Станных изобретений. И ведёт Технологию червоточин на первом курсе.

– Осторожнее! – взревел Стимпанк. – Беглая червоточина! Держитесь подальше!

Лила едва успела оттащить Кипа в сторону, когда профессор промчался мимо них, преследуемый загадочным пурпурным мерцающим вихрем. Пронсясь над лужайкой, вихрь втянул в себя травинки и ромашки, которые мгновенно приняли форму вращающегося конуса. Стимпанк обегал вокруг палатки и пошёл на новый виток, полы белого лабораторного халата развевались за его спиной. Мерцающая червоточина неумолимо настигала мужчину, теперь они оба были похожи на два смерча, несущихся друг за другом. Лила прыснула, и Кип понял, что может без страха выпустить наружу смех, копившийся внутри.

– Разве червоточины лиловые? – спросил он, отсмеявшись.

– Вообще-то нет, – ответила Лила. – Мы их подкрашиваем, чтобы видеть, где они находятся.

– Это... необходимо... – пропыхтел Стимпанк, снова пронсясь мимо них. – Особенно когда они убегают!

Стимпанк ещё раз обогнул палатку и опять появился в поле зрения Кипа. Теперь он гнался за червоточиной, размахивая в воздухе маленьким чемоданчиком стального цвета.

– Что будет, если червоточина его поймает? – спросил Кип.

Профессор Мо снял красные очки и заменил их на другие – в клетчатой оправе.

– Ох, это будет...

Но Кипу не довелось услышать окончание предложения. Внезапно он вновь почувствовал чихотную тошноту или тошнотную чихотку – одним словом, чихоту, – и очутился перед коваными воротами, через которые прошёл всего десять минут тому назад. Ошеломлённый мальчик быстро вернулся в Конфуцианский дворик, а к нему навстречу уже выбегали оба встревоженных профессора и Лила.

– Прошу меня извинить, – выпалил Стимпанк, с трудом переводя дыхание. – Не беспокойся, я запер беглянку!

При этом он одновременно похлопал по чемоданчику, разгладил смятый лабораторный халат, поднял на лоб защитные очки и снял с головы мотоциклетный шлем. Примятые шлемом волосы тотчас распрямились и редкими белыми вихрами встали над его головой.

– Ну и задала же мне гонку эта озорница-червоточина, – пропыхтел он. – Думаю, придётся завести себе лишнюю пару ног.

– Кстати, профессор Стимпанк, я рассказывал вам о Кипе? – спросил Мо. – Знаешь, Кип, профессора так давно называют Стимпанк, что все забыли его настоящее имя!

– Все, включая меня! – воскликнул Стимпанк, разом пожимая руки Кипу, Лиле и профессору Мо.

Он передал Лиле шлем и чемоданчик, вытащил из кармана маленький будильник, а следом ещё пять таких же, и принялся ловко жонглировать ими, шагая в сторону соседнего двора.

– Спорим, ты гадаешь, настоящие у него руки или нет? – затараторила Лила, примеряя шлем. – Некоторые люди стесняются спросить, правда, профессор Стимпанк?

– Несомненно! Да что там говорить, я и сам ОЧЕНЬ застенчив!

– Значит, они настоящие? – брякнул Кип.

– Хм, зависит от того, что ты понимаешь под словом «настоящие», – ответил Стимпанк, даже не глядя на летающие перед ним будильники. – Дело в том, что со своими, так сказать, оригинальными руками я распрощался много лет тому назад. Когда я был моложе, мои эксперименты почти всегда заканчивались взрывами.

Он наклонился к Кипу, как будто собирался поделиться с ним какой-то секретной информацией.

– Все мои четыре палки-чесалки бионические. Однако они весьма рукастые. Работают на Странной энергии. Моё личное маленькое изобретеньице. А теперь, не хочешь ли попробовать угадать, как работают червоточины? Какие будут идеи?

Кип задумчиво кивнул.

– Ну... телепортация?

– Нет, нет и нет! Телепортация – это та-а-а-а-к старомодно! – Стимпанк замахал руками. – В наши дни телепортируются только престарелые пенсионеры.

– Червоточины изгибают и замыкают на себя пространство-время, – подсказала Лила. – Как будто Вселенная гоняется за собственным хвостом. Правильно, профессор?

– Почти, – кивнул Стимпанк. – Энергия – это материя, материя – это энергия. Если энергия избирает кратчайший путь, почему бы и нам не последовать её примеру?

Они проходили мимо одной из палаток, и вдруг сквозь белый шёлк прямо на Кипа выплеснулось нечто свежее и прохладное. Мальчик инстинктивно пригнулся и закрыл лицо руками, не сомневаясь, что сейчас вымокнет до нитки. Как ни странно, он вообще не промок. Кип почувствовал себя ужасно глупо, но вскоре обнаружил, что остальные прохожие делают то же самое.

– Это Скользящий поток, или Скользоток, – рассмеялась Лила, прочитав его мысли. – Советую начать привыкать к нему. Ты теперь в школе Квиксмит, а значит, уже начал настраиваться. Помни, что Странная энергия есть везде и повсюду.

Часы, которыми жонглировал профессор Стимпанк, разом запищали.

– Благодарю вас, профессор, – сказал Мо. – Как раз вовремя. Идём, Кип, у нас назначена встреча.

Стимпанк убрал будильники в карман, вытащил из другого кармана чайник и две чашки. Свободной рукой он энергично помахал Кипу на прощание.

– Я зарезервирую для тебя почётное место на следующий семестр! – крикнул он. – Ты нужен школе Квиксмит!

– И не тушуйся! – напутствовала мальчика Ли́ла, тоже помахав рукой. – Возвращайся скорее. Честное слово, ты не пожалеешь. Это будет просто бомба: мисс Твисс прочитает Письмо!

– Спасибо, – поблагодарил Кип. – Пока! О чём она говорила? – спросил он, догоняя профессора Мо.

– Ты про Письмо? – уточнил профессор. – Оно ждало этого часа почти четыреста лет! Все вне себя от волнения. Впрочем, скоро ты и сам узнаешь.

«Вот такими должны быть учителя, – подумал Кип. – И школы».

Несомненно, это место для него. Здесь ему были рады, как нигде и никогда раньше. В школе Квиксмит ощущалось гостеприимство, которого учителя вроде Груббинг никогда не могли бы понять.

Но Кип пока не мог позволить себе радоваться по-настоящему. Его лицо снова сделалось серьёзным. До сих пор никто не упомянул об оплате.

ИЗМЕНИ СВОЙ МИР

Теперь они снова шагали в противоположную сторону от палаток, к поросшим мхом стенам Небесного дворца. Там их уже кто-то поджидал. Подойдя ближе, Кип увидел, что эта женщина на вид намного старше профессора Мо. На ней был тёмно-красный брючный костюм с золотой отделкой. Седые волосы (такие гладкие и аккуратные, что их можно было принять за шляпку) были уложены в форме пирамидального улья стального оттенка. Губы слегка кривились в печальной задумчивой улыбке, как будто нечто невидимое оказывало на неё чудовищную силу тяжести.

– Поздравляю, Брэмли! – сказала она.

Точнее, произнесла в его голове, но не сказала вслух: печально изогнутые губы не шевелились.

– Ты проделал отличную работу, чтобы попасть сюда, и мы потрясены твоими успехами.

Это был голос, который мог бы читать закадровый текст к лучшим документальным фильмам о природе.

«Это же она говорит, – подумал Кип. – Точно, она. Но как?»

– Кип, познакомься с мисс Твисс, – встрял профессор Мо. – Декан школы Квиксмит.

– Полагаю, ты пытаешься понять, каким образом меня можно слышать? – поинтересовалась мисс Твисс. – Очень давно мой рот и голосовые связки были повреждены тяжёлой болезнью. Но под волосами у меня спрятана Мыслеволновая линза (продолжение и усиление физического мозга), которая проецирует мои мысли непосредственно в твой мозг. Можно сказать, я подаю и посылаю мысли так же, как чрево вещатели посылают свой голос, не шевеля губами. Не беспокойся, это односторонний процесс: я никоим образом не могу слышать, о чём ты думаешь.

Кип ошалело кивнул. Мисс Твисс смерила его долгим гипнотическим взглядом, словно читала тайные иероглифы, проступившие на лице мальчика. Трудно было понять, в самом деле она улыбается или нет. Но через несколько секунд Кип заметил, что, несмотря на грустное лицо, глаза у мисс Твисс добрые и живые.

– Пора обсудить условия твоего обучения, – сказала после паузы мисс Твисс. – Прежде всего стипендия. Мы очень хотим, чтобы ты поступил в Квиксмит, поэтому готовы позаботиться обо всём: мы купим для тебя необходимые принадлежности и материалы и полностью оплатим твоё обучение. После окончания школы ты ничего не будешь нам должен.

Кип не помнил, чтобы хотя бы раз в жизни был так счастлив, как в этот миг. Только теперь улыбка наконец-то поверила, что может без опаски появиться на его губах. Передние зубы тоже не смогли остаться во рту и выглянули наружу, чтобы посмотреть, чему все радуются.

– Если ты поступишь к нам, – продолжала мисс Твисс, – тебе будут открыты тайны Вселенной, которые ты бы никогда прежде не постиг и не узнал. И конечно, эти тайны запустят твой разум кувырком, а твоё воображение пустится выписывать сальто!

Когда она произнесла слово «воображение», солнце вышло из-за великолепного пушистого облака. Луч света упал на тёмные камни Небесного дворца, озарив стену, покрытую серебряными надписями на сотнях языков. Некоторые фразы были знакомы Кипу, другие представляли собой просто череду рисунков, точек или линий.

Мальчик искал надпись на английском и вскоре нашёл её прямо перед собой, на уровне глаз.

ИЗМЕНИ СВОЙ МИР

– Девиз нашей школы, – объяснила мисс Твисс.

Некоторое время все молча смотрели на стену, давая Кипу возможность найти своё собственное значение этих слов.

– В школе Квиксмит, – добавила мисс Твисс, – к тебе будут относиться не как к ребёнку, но как к феноменальному человеческому разуму – разуму, способному достичь подлинного величия.

Солнечный свет просвечивал насквозь пряди зелени, зажигал миниатюрные полярные сияния в серых глазах декана.

– Честно говоря, – вступил в разговор профессор Мо, – мы очень надеемся, что твои достижения намного превзойдут сделанное нами.

– А теперь, – сказала мисс Твисс, – настало время принять решение. Ты готов присоединиться к нам?

Кип обернулся и посмотрел на дворик Часовой башни. Рядом с палаткой червоточин Стимпанк состязался сам с собой, подпрыгивая на руках. Дрон в форме облака завис над головой профессора и стал сыпать снегом. Потом из вершины палатки с пронзительным свистом забил гейзер зелёного дыма.

«А вдруг я действительно смогу изменить свой мир?» – подумал Кип, взглянув на школьный девиз.

Ответ мог быть только один.

– Когда начинать?

Профессор Мо захлопал в ладоши, а глаза мисс Твисс утонули в глубоких смеющихся морщинках.

– Но погодите, а как же мой папа? – спохватился Кип, внезапно рухнув с небес на землю. – Он тоже должен дать согласие!

– Разумеется, тебе непременно следует поговорить с отцом, – ответил профессор Мо. – Как и нам, со своей стороны. Нужно обсудить твоё обучение, стипендию и условия проживания в пансионе.

– В пансионе? – ахнул Кип, чувствуя, как его губы сжимаются, а улыбка гаснет. – Ох! Нет, вы не понимаете! Моя старшая сестра пропала без вести. Это случилось семь лет тому назад, но папа до сих пор никуда не отпускает меня одного. Я не уверен, что он позволит мне поступить в школу-пансион, даже если это совершенно бесплатно!

– Естественно, – произнесла мисс Твисс. – Он хочет защитить тебя.

– Позволь нам пообщаться с твоим отцом и объяснить ему, насколько Квиксмит важен для тебя, – предложил профессор. – Надеюсь, нам удастся найти общее решение.

Мисс Твисс распрощалась с Кипом, а профессор Мо проводил мальчика в Сад Гигантских скачков.

На этот раз Кип приблизился к воротам с другой стороны, поэтому смог увидеть, что каждая тропинка снабжена табличкой с номером.

Они остановились перед табличкой, надпись на которой гласила: «88а, Геликс-авеню».

– Вот и кратчайший путь домой. Сначала ты попадёшь на Геликс-авеню, – сказал профессор Мо.

Он протянул руку, и Кип пожал её, а потом повернулся и захрустел по гравию в сторону горбатого мостика.

– До встречи в учебном семестре! – крикнул профессор ему вслед.

Кип ступил на мостик и снова почувствовал уже знакомую чихноту. На несколько секунд перед глазами заколыхался туман, в котором он сумел разглядеть только мелькание смутных геометрических фигур. Когда зрение обрело чёткость, он уже стоял в фотобудке «Подводного мира».

Кип чудом успел вернуться к шахматным столам до прихода Ашли. Аакаш вопросительно посмотрел на мальчика, и Кип с чистым сердцем показал ему большой палец, поднятый вверх.

Очутившись дома, Кип прямиком бросился в спальню. Розочка нежилась на комке ваты в своём домике. Мальчик вытащил белку из хлопкового облачка, бережно пересадил на стопку книг на полу и лёг рядом. Розочка вытянула крошечные лапки, а Кип затараторил со скоростью миллион слов в час.

Он хотел сказать: «Профессор Мо поведал мне про Странную энергию, которая вырвалась и разбежалась в разные стороны в самом начале зарождения мира, а ещё я прошёл через червоточину (даже через две), встретил диковинный суперкомпьютер по имени КОТИК и профессора Стимпанка, у которого четыре руки, и это всё просто... невероятно!»

Но Кип совершенно забыл о Шифростраже, поэтому несказанно удивился, когда из его рта вылетело примерно вот что:

– На базарах Дар-эс-Салама – города в Танзании – блохи размером с козу кусают короля за коленные бивни, а Лысая принцесса продаёт моноброви из волос йети...

Осознав, что он наговорил, Кип покатился со смеху и не смог закончить предложение. Но это было совершенно не важно! Розочка отлично его поняла. Она заворочалась из стороны в сторону, а плоский пушистый хвостик зверька свесился с горки книг, указывая кончиком на «Энциклопедию удивительных вещей».

– Ты права, – согласился Кип. – Там полным-полно удивительных вещей! Чтобы поверить, это нужно увидеть собственными глазами, впрочем, ты и тогда не согласишься! И они хотят, чтобы я туда поступил, представляешь?

Глава 4

БОЛЬНИЦА СВЯТОГО АНТОНИЯ

Кип вместе с отцом сидел в машине и молчал. Несколько листочков сорвались с соседней ивы, упали на ветровое стекло. Тео смотрел прямо перед собой, а Кип безуспешно пытался приподнять поникший лепесток из букетика белых нарциссов, который держал в руках. Неожиданно папа откинулся назад и хлопнул ладонями по коленям. Он взглянул на сына, в этом взгляде было всё, что они оба не могли сказать вслух.

– Может, сегодня будет перелом, – тихо добавил Тео к невысказанному.

Выходя из машины, Кип изо всех сил постарался не хлопать дверцей. Но хотя он очень старался, ему всегда казалось, что он производит слишком много шума на тихой парковке при больнице, где его мама жила с тех пор, как они переехали.

– По крайней мере, здесь лучше, чем на старом месте, – пробормотал Кип, и отец кивнул.

По прогнозу, после обеда намечался дождь, но пока было сухо. В саду оказалось полно пациентов и посетителей, они сидели на пластиковых стульчиках или прогуливались по двое или трое. Но мама Кипа сидела в комнате отдыха совсем одна и смотрела куда-то поверх половиц. Широко раздвинутые занавески пропускали внутрь тусклый солнечный свет. Пыльца и пыль плавали в воздухе, как тихие вихри солнечного снега.

Кип сел рядом с мамой, папа остановился рядом с ним, положив руку на плечо сыну. Наверное, сейчас они могли бы позировать для семейного портрета.

– Мам, смотри, что я тебе принёс, – сказал Кип и вручил ей букетик нарциссов.

Мамино лицо прояснилось, она поднесла цветы к свету и залюбовалась ими, как будто впервые в жизни увидела нарциссы.

– Ты так добр, – безучастно проговорила она.

Когда Роуз взглянула на него, в сердце Кипа что-то затрепетало, как язычок пламени в ветрозащитном фонаре.

– Твоя мама, наверное, очень тобой гордится! Такой воспитанный молодой человек, просто загляденье.

– Мам... – произнёс Кип.

– Где же твоя мать? – перебила Роуз, озираясь по сторонам. – Я бы хотела с ней познакомиться. Уверена, она ужасно милая, правда?

– Роуз... – начал было Тео, но запнулся и замолчал на полуслове.

Она отложила цветы, встала и направилась к высокому зеркалу, висящему на стене. Но на полпути застыла и снова заозиралась, как будто забыла, куда шла. Медленно развернувшись, Роуз побрела обратно к креслу, увидела Тео и Кипа и застыла на месте.

– Я ищу свою дочь, – сказала она, и в её глазах заметалась паника. – Вы не видели мою Сьюзен?

Кип до боли прикусил губу. Каждый раз, когда они навещали маму, страшные воспоминания возвращались с новой силой. Вот и сейчас он с тошнотворным ощущением беспомощности понял, что его разум затягивает в прошлое.

Когда это случилось, Сьюзен было примерно столько же лет, сколько ему сейчас. Брэмли тогда жили в бывшем домике береговой охраны, на самом краю шербатых, поросших травой скал, освежаемых ветрами и водяными брызгами. В тот день Тео вернулся с работы и увидел, что входная дверь широко распахнута, а дом пуст. Он бросился искать родных и обнаружил только Роуз, потерявшую сознание после удара молнии. Жена лежала на тропинке, ведущей

к морю, среди обожжённой, ещё дымящейся травы. Пятилетний Кип выбежал к ней из тени старого разрушенного маяка: оглушённый, напуганный, но целый и невредимый. А вот Сюзен... за несколько недель поисков удалось найти лишь пропитанную морской водой балетку в чёрно-белую зебриную полоску, валявшуюся на разбитых волнами камнях у подножия скал.

В больнице доктор пригласил Тео и Кипа в безукоризненно чистый кабинет, где мальчик никак не мог отвести глаз от искусственного загара и ослепительно-белых зубов этого незнакомого мужчины. Разговор отпечатался в памяти Кипа, как последствие вспышки яркого света, несмотря на то, что тогда он был совсем мал.

– Удар молнии может вызвать самые необычные поражения мозга, – объяснил Белозубс.

– Какого рода поражения? – спросил Тео.

Кип никогда не забудет, как дрожал голос отца.

– Вы же видите, доктор, это не просто потеря памяти, а странная отрешённость, как будто она не знает, что реально, а что нет. Как нам всё исправить?

– Да, ситуация весьма необычна. Скажу откровенно, полное выздоровление маловероятно, – ответил Белозубс, решительным жестом закрывая файл с историей Роуз. – Лучшее, что мы можем сделать для пациентки: обеспечить уход и проявлять заботу.

С тех пор Кип и Тео делали лучшее, что могли: обеспечивали уход и проявляли заботу.

Постоянно и во время каждого визита.

Пришла медсестра, дала Роуз лекарство. Кип взглянул на пузырёк с таблетками. Название на этикетке показалась ему знакомым – большая Г и маленькая к. В следующее мгновение он узнал и всё слово: «Гриттлшэнк».

Столкнуться с воспоминанием о школе Квиксмит в обыденном мире было настолько неожиданным, что Кип несколько секунд смотрел на пузырёк, смакуя радость восхитительного секрета.

Но вскоре до него донёсся голос отца.

– Розы... – говорил Тео. – Розы, теперь нас только трое. Ты, я – Тео, а ещё наш Кип.

– Тео... – повторила она. – Кип... – Роуз ненадолго замолчала. – Но сейчас все там, снаружи, – с недоумением произнесла она. – А разве Сюзи там нет?

Кип взял маму за руку. Это было похоже на то, как если бы они с отцом искали Роуз в густом тумане. Время от времени она звала их, и они бежали на звук её голоса. Но когда прибегали, то каждый раз оказывалось, что они слышали всего лишь эхо.

– Может, выйдем отсюда, дорогая? – предложил Тео. – Побудем на свежем воздухе?

Тео открыл окно, прохладный ветер ворвался в комнату. В тот же миг Кип почувствовал, как его чудесную тайну выдуло наружу, а на месте секрета осталась только холодная бесстрастная решимость.

Вечером того же дня они с отцом поужинали и смотрели какую-то глупость по телевизору, устроившись рядышком на диване. Говорить им обоим совсем не хотелось, но в груди Кипа отчаянно жгло, и он понимал, что должен сказать правду.

– Я не поеду, пап.

Тео поставил кружку на кофейный столик.

– Я не поеду, – вновь заявил Кип. – В Квиксмит. Я не могу оставить маму. Что, если она со дня на день меня вспомнит? А меня не будет рядом – и всё угаснет? А вдруг из-за меня это никогда не случится? Нет, я не могу уехать.

Тео тяжело выдохнул через нос, выключил телевизор и посмотрел на сына.

– Кип, я был уверен, что отвечу отказом, когда профессор пришёл сюда и рассказал о стипендии. Позволить тебе отправиться в школу-пансион... конечно, это меня пугало, представлялось слишком опасным. Но я должен переступить через себя. Речь не обо мне, Кип. Речь о тебе. Ты умный, причём намного умнее меня. В любом случае ты достаточно умен, чтобы понимать: возможно, тебе выпал шанс, который вряд ли когда-нибудь появится в твоей жизни

ещё раз. Представь, что луч прожектора вдруг упал прямо на тебя, всего на мгновение, а через миг уйдёт навсегда.

– Но как же мама? – спросил Кип.

Он взял диванную подушку и ткнул пальцем в потёртую ткань на уголке.

– Твой новый наставник заверил меня, что Квиксмит – лучшая школа в мире, – продолжал отец. – Она настолько хороша, что её существование держится в секрете, поэтому преподаватели могут выбирать детей, которые действительно заслуживают права там учиться. И нам даже не нужно платить, Кип! Что мешает тебе выучиться, стать блестящим доктором – величайшим в истории! – вернуться сюда и вылечить маму?

Вернуться и вылечить маму? Почему Кипа никогда не посещала такая идея? Это же очевидно! Волна благодарности захлестнула мальчика и вылилась в объятие, в которое он с такой силой заключил отца, как будто никогда не хотел отпускать.

РАСТЯНУТЫЙ ЛИМУЗИН

Пролетело несколько недель, и вот, холодным утром понедельника, Кип и Тео ёжились на парковке жилого комплекса «Ильстов». Розочка не спала и сидела настороже в маленькой переноске, стоявшей на тротуаре. Она предчувствовала приключение, тельце зверька трепетало от возбуждения. Ровно в пять часов тридцать минут перед ними остановился белый лимузин: длинный и гладкий, точно такой же, в каких ездят разные знаменитости. Двигатель тихо мурлыкал.

– То есть твоя машина не только с автопилотом, но ещё и настоящий растянутый лимузин в придачу? – спросил Тео, возбуждённо подпрыгивая на бордюре. – Совсем неплохое начало!

Он подкатил клетку Розочки к широкой двери лимузина, которая распахнулась, как только Тео очутился рядом. Кип бросился следом за ним.

Вскоре они вдвоём затолкали высокую металлическую клетку в салон, установив её на диванчик. За ней последовал большой потёртый чемодан со сломанной ручкой, затем рюкзак Кипа, а потом и Розочка в переноске.

Отец и сын, стоя на тротуаре, посмотрели друг на друга.

– Вот и всё, – сказал Тео и широко распахнул руки.

Отцовское объятие пахло свежим кофе и лимонной отдушкой стирального порошка, и Кип глубоко вдыхал его напоследок.

– Я буду скучать, – признался он.

– Я тоже. Но до конца семестра осталось шесть недель!

Прощаться с отцом было всё равно что разорваться пополам. Одна половина Кипа хотела остаться здесь, в папиных объятиях, надеясь, что однажды маме станет лучше. Но как только мальчик сел в машину, вторая его часть стала гораздо сильнее. Ей хотелось выскочить из люка и оглушительно заорать на всю тихую утреннюю улицу, по которой лимузин нёсся навстречу новому миру.

Автомобиль набрал скорость, и Кип прильнул к окну. Он махал до тех пор, пока Тео не скрылся из виду (и ещё немножко просто на всякий случай).

Когда он откинулся на спинку кресла, затённое стекло само поднялось и закрылось.

В роскошном салоне лимузина имелось несколько заманчивых отсеков. Пока Кип исследовал их, Розочка ободряюще скреблась в переноске.

– Смотри, – сказал Кип. – Здесь есть маленький холодильник с напитками и закусками! И даже брюссельская капуста для тебя.

– Привет, Кип, – прозвучал приветливый голос. – Рада снова тебя видеть. А это, должно быть, Розочка?

– КОТИК! – воскликнул Кип. – Конечно, как же я сразу не догадался! Ведь ты управляешь автомобилем, да?

– Я управляю всем парком лимузинов школы Квиксмит, – отозвалась КОТИК.

– Одновременно?

– Да, – ответила КОТИК. – Согласись, это совсем не сложная задача для такого интеллектуального компьютера, как я.

И вдруг Кип заметил, как кто-то ползёт по стеклу со стороны салона.

– Розик! У нас тут заяц: точнее, в машине Кружная бродяга! КОТИК, ты знаешь, какой это вид бабочки?

– Это твой мольнешар, – охотно откликнулась КОТИК.

– Мой... кто?

– Мольнешар. Все мольнешары – дроны моего собственного изобретения и изготовления. Мы используем их для отслеживания успехов ученика и для того, чтобы быть уверенным в его безопасности. У каждого ученика школы Квиксмит есть мольнешар.

– Я сразу понял, что бабочка – непростая, – выпалил Кип. – Слышала, Розик? Лучше тебе её не есть.

– Не беспокойся, – произнесла КОТИК. – Розочка выдохнется гораздо раньше, чем поймает мольнешара.

Кип бросил взгляд через всё пространство лимузина: клетка Розочки занимала большую часть сидений.

– Что будет дальше? Мы подберём ещё пассажиров? – неуверенно спросил он.

– Мы – нет, – ответила КОТИК. – Я – да.

Кип не совсем понял, что это значит.

– Я вижу, ты сбит с толку, – добавила КОТИК. – Позволь мне объяснить. Видишь ли, ты находишься в растянутом лимузине.

– По-моему, я это знаю, – заметил Кип.

– Но имеются кое-какие важные детали: это тянущий время лимузин! То есть он растягивает секунды в часы, позволяя мне в считанные мгновения объезжать огромные расстояния, забирая каждого ученика по отдельности. Как только я высажу тебя, твой багаж будет выгружен, а автомобиль мгновенно переместится на Фарерские острова. Непосредственно в данный момент я отправляю машины из автопарка в Португалию и Алжир.

– Получается, когда растянутый лимузин растягивает секунды, в салоне кажется, что прошло совсем немного времени?

– Совершенно верно, Кип. Время эластично.

«Лимузин и так потрясающий, – подумал Кип. – Одно слово – лимузин! Но если бы папа услышал все эти объяснения, у него бы голова взорвалась!»

– Есть ещё вопросы? – поинтересовалась КОТИК.

– Только один: долго ещё ехать?

– Мы уже приехали, Кип. Мы стояли на месте всё время, пока беседовали.

Дверь с тихим щелчком открылась.

– Твой багаж будет доставлен в комнату позже, – проговорила КОТИК. – Если не знаешь, куда идти, просто следуй за шарнемолем.

– По-моему, ты сказала, что его зовут мольнешар? – уточнил Кип.

– Конечно, – согласилась КОТИК. – Но он может без труда превращаться в шарнемоля, если ты этого захочешь. Запомни: мольнешар повсюду следует за тобой, а шарнемоль ведёт тебя, куда ты попросишь. А теперь – до свидания, Кип. Скоро мы ещё поболтаем, я не сомневаюсь.

Словно во сне, Кип крепко схватил рюкзак и переноску с Розочкой, вылез из лимузина и оторопело посмотрел вверх.

Вверх, потому что небо над головой было оживлённое, чем в период сезонных птичьих миграций. Только вместо птиц здесь были дети, летавшие на разноцветных плоских дисках размером с раскрытый зонтик. Вы не поверите, но на самых шумных участках имелись даже светофоры, закреплённые на деревьях!

– Что это такое, Розик? – пролепетал Кип.

– Гораздо важнее знать, насколько быстро они носятся! – воскликнул черноволосый мальчик, проезжая мимо на кресле-каталке.

Недоумевая, откуда вдруг взялся парнишка, Кип обернулся и увидел, что лимузины безостановочно выгружают пассажиров. Это было похоже на появление призраков на ускоренной перемотке. Каждую секунду в самых разных местах парковки возникали лимузины, из которых выскакивали новоприбывшие. В воздухе повсюду порхали белые мольнешары или шарнемоль, напоминающие опавшие лепестки цветущих вишен.

Как там сказала КОТИК? Если нужно куда-то попасть, ему потребуется шарнемоль!

– Шарнемоль! – громко позвал Кип. – Шарнемоль!

В ту же секунду крылышки мольнешара захлопали так часто, что превратились в белый вихрь. Голова и кончик брюшка исчезли, и не успел Кип и глазом моргнуть, как перед ним появился шарик сияющего белого света размером с мотылька. Розочка, не вполне уверенная в том, что видит, принялась кругами носиться по переноске.

Шарнемоль завис в воздухе примерно на уровне плеч Кипа, и над шариком возникли четыре перламутровых слова:

ИДИ ЗА МНОЙ, КИП

Кип посмотрел налево и направо. Примерно половина учеников шагала за своими светящимися шарами: кто-то уверенно, почти не глядя по сторонам, кто-то замешкавшись и явно оказавшись здесь впервые. Черноволосый мальчик снял с головы бейсболку и попытался поймать шарнемоль, который мячиком прыгал прямо перед ним.

«Такое даже во сне не приснится, – подумал Кип. – Никогда!»

По мере того как шарнемоль вёл Кипа вдоль чёрного здания, которое он запомнил ещё тогда, когда был в школе на дне открытых дверей, слова над светящимся шариком слились вместе, перемешались и преобразовались в новую надпись:

НЕБЕСНЫЙ ДВОРЕЦ

Когда они приблизились к небольшому ярко-жёлтому зданию, перламутровые слова снова изменились:

КОРПУС ПЕРВОГО КУРСА

Кип отсчитал три двери, а около четвёртой шарнемоль замер.

Кип распахнул дверь и увидел коридор и лестницу, запруженную компанией ребят, которые о чём-то громко говорили.

АЛЬБЕРТ

Мальчик протиснулся мимо них, преодолел следом за шарнемолем три лестничных пролёта и остановился перед комнатой К10. За дверью оказалась мансарда в форме буквы Г, причём в десять раз просторнее спальни Кипа. Вдоль одной стены стояла двухъярусная кровать с крепкими деревянными ступеньками. Рядом с кроватью был шкаф, наполовину заполненный книгами.

В дальнем конце комнаты послышался глухой удар, и Кип поспешил свернуть за угол, где увидел два письменных стола и два очень удобных на вид крутящихся кресла.

– Привет? – вопросительно произнёс Кип.

Один из столов выглядел так, будто самая умная в мире птица решила свить на нём гнездо: там громоздилась куча ручек, карандашей, ластиков, скрепок, два калькулятора, шарики скомканной бумаги и разноцветные стикеры. Второй стол был совершенно пуст.

– При-ве-е-е-е-т? – повторил чей-то голос.

Под захламлённым столом раздался шорох, и из-под него вылез мальчик примерно одного возраста с Кипом.

Когда он выпрямился, глаза незнакомца были на уровне глаз Кипа, но из-за волос он казался почти на голову выше: будто все мысли, рождавшиеся в его мозгу, вырвались наружу облаком пружинистого чёрного звездообразования.

– Меня зовут Альберт Масвинго, – представился мальчик.

– Кип Брэмли, – сказал Кип.

– В таком случае добро пожаловать в комнату Альберта и Кипа, – заявил Альберт, – потому что мы с тобой соседи по комнате! Я уже выбрал себе стол, надеюсь, ты не против?

Кип поставил на пол рюкзак и переноску с Розочкой.

– Все столы одинаковые, – заметил он. – Ты откуда?

– Я зимбабвиец, – ответил Альберт. – И ирландец. Зимбабландец.

– А не ирландбабвиец?

– И это тоже, – рассмеялся Альберт. – А ты? Откуда ты?

– Я живу в Лондоне, – сказал Кип. – Но родом не оттуда.

Альберт протянул ему банку арахисовых козинаков. Кип взял кусочек, и сосед по комнате сильно встряхнул банку, чтобы он мог взять ещё. Дорожная переноска Розочки задрожала в ответ, и Альберт наклонился, чтобы заглянуть внутрь. Два внимательных глаза зорко уставились на него.

– Ой, кто это? Дай угадаю! Парящий хомяк? Нет, постой! Шиншилла-альпинист? Ох, какой же я глупец... Белка-летяга!

Кип широко улыбнулся, он был впечатлён.

– Почти никто не догадывается, что она летучая.

– В прошлом году мой брат делал проект по биологии. Это та, что светится под ультрафиолетом?

– Она самая! Похоже, ты действительно разбираешься в летягах! Да, она светится розовым. Поэтому мы и называли её Розочка.

Альберт перевёл взгляд на Кипа.

– Можно я подержу её?

– Она поначалу может немного робеть, – признался Кип.

– Я буду очень осторожен, – пообещал Альберт.

Будь вы на месте Кипа, вы бы тоже оберегали Розочку, особенно после того, что с ней едва не случилось! Но когда Альберт тихонько поскрёб пальцами по стенке переноски, белка охотно поскреблась в ответ. Поэтому Кип бережно вынул зверька из клетки, передал Альберту и стал зорко смотреть, что будет дальше.

Дело в том, что Розочка была его самым точным в мире детектором хороших людей. Сейчас она тщательно обнюхала Альберта, решила, что он определённо относится к друзьям, и бесстрашно перевернулась на спинку, разбросав в стороны все четыре лапки. В этой позе стали видны складки нежной кожи между её пальчиками, и Розочка сразу сделалась похожа на уменьшенную пушистую копию гигантского ската манта.

– Она просто потрясашка! – прошептал Альберт, щекоча пальцем сахарно-белый животик Розочки. – Откуда она взялась?

– Долгая история, – пробормотал Кип.

– Расскажи-и-и-и-и, – взмолился Альберт. – Готов поспорить, её история не менее интересна, чем она сама!

– Ладно, сдаюсь, – ответил Кип. – До того как мы переехали в Лондон, мой папа работал в одном очень модном ресторане. В таком, куда ходят люди, у которых столько денег, что они не знают, что с ними делать. Короче, ты можешь принести туда всё, что душе угодно, и шефы с радостью приготовят любое блюдо для тебя.

– Вот прямо всё?

– Знаешь, – протянул Кип, – я видел там немало странного. Но однажды одна дамочка в платье из змеиной кожи вручила моему отцу корзинку для пикника с навесным замком. Она сказала, что желает омлет с добавкой для особого завтрака и дала папе ключик от корзинки.

– И что было внутри? – спросил Альберт.

Кип перевёл глаза на Розочку.

– Нет!

– Папа подумал, что белка относится к редким и исчезающим видам, поэтому принёс её домой. Розочка была совершенно ручной, и мы поняли, что её не просто поймали где-то в дикой природе. Я так и заявил отцу: «Ты не можешь её приготовить!» Но он ответил, что если откажется, то будет вынужден уволиться из ресторана, поэтому ему придётся искать новую работу, а значит, мы должны будем переехать из нашего дома.

– Понимаю. Это очень серьёзно.

– Ага, – подтвердил Кип. – И мы решили, что нам не важно, где жить. Можно и переехать. А для Розочки это вопрос жизни и смерти. Даже если бы отец отказался превратить её в добавку к омлету, мы не могли бы вернуть белку в ресторан, потому что рано или поздно бедняга закончила бы свои дни на сковородке. И хотя мы не имели права её забирать, мы так и поступили. Папа уволился на следующий же день, нашёл работу в Лондоне, и мы переехали.

– Круто, – восхитился Альберт, взглянув сначала на Розочку, потом на Кипа. – В самом деле, очень круто.

– Когда у меня выдаётся особо плохой день, я прихожу домой и смотрю на Розочку, – закончил Кип. – И все проблемы сразу перестают казаться такими ужасными. По крайней мере, до сих пор никто не пытался меня съесть!

– Потрясающая история! Розочка самая счастливая белка-светляга в мире! – с уверенностью сказал Альберт.

– Это я самый счастливый, – поправил его Кип. – Кстати, отличное название – белка-светляга!

Альберт поставил Розочку на стол, и она радостно запрыгала, исследуя его завалы. Мальчик смял в шар лист бумаги, присел на пол и стал бросать мячик Кипу.

Мячик летал туда-сюда, а ребята сидели и болтали.

– Как думаешь, почему ты здесь очутился?

– Наверное, это имеет отношение к моим рисункам, – немного смутившись, ответил Кип. – Они каким-то образом связаны со Странной энергией. Возможно. Вообще-то профессор Мо говорил, что пока рано судить. А ты?

– Я ни в зуб ногой в химии, немецком и тому подобном, зато, кажется, на волне со временем, – выпалил Альберт.

– Как растянутый лимузин? – уточнил Кип.

– О, я без ума от здешних машин! – воскликнул Альберт. – КОТИК рассказала мне о существовании такой разновидности Странной энергии, как Пряжа времени: своего рода искажения времени.

– Постой, это как искривление пространства-времени? – спросил Кип.

– Вроде того. Понимаешь, время – оно вечно выделяет разные фокусы. Замедляется, ускоряется, а иногда и вовсе замирает. Беда в том, что мы совершенно лишены возможности правильно его измерить. Лучшее, что у нас есть – часы. Но пытаться увидеть время с их помощью – это всё равно что увидеть ветер при помощи ветряной мельницы! Короче, возникает

большая проблема. В прошлом семестре меня отстранили от занятий за кражу часов, но я просто не смог удержаться. Они понадобились мне для дела, я соорудил на крыше школы мегачасы со ста семью циферблатами!

Он вытащил из кармана телефон и показал Кипу фото. Конструкция на снимке смахивала на декорации из плохого фантастического фильма: кривой бугристый конус из циферблатов и цифровых дисплеев, с торчащими в разные стороны вешалками для одежды.

– Для чего это предназначено?

– Понимаешь, я пытался доказать, что у нас временная петля, прямо на крыше!

– Правда? – удивился Кип. – Откуда ты узнал?

– Просто понял – и всё, – ответил Альберт.

Бумажный мяч пролетел туда-сюда ещё несколько раз.

– А что ты рисуешь? – спросил Альберт, подбрасывая мячик к потолку.

Кип немного поколебался, потом вытащил из рюкзака «Книгу завихрюшек». На альбомных листах сплетались карандашные и чернильные нити, похожие на дорожки, прогрызенные книжным жуком, пытающимся выбраться из лабиринта страниц.

Альберт с любопытством разглядывал рисунки.

– Вот так всё и выглядит у тебя в голове?

– Примерно, – кивнул Кип. – Картинки появляются, когда я сильно о чём-нибудь задумываюсь. Иногда я могу увидеть их, если потру глаза... ты же понимаешь, о чём я говорю... Если я по какой-то причине не могу немедленно их зарисовать, то появляется такое ощущение, что вроде бы у тебя зудит, а ты не можешь почесаться.

– Кру-у-у-то, – восхитился Альберт.

– По-моему, ничего особенного, – сказал Кип, закрывая «Книгу завихрюшек». – Никакого сравнения с искривлением времени.

В дверь постучали. Это доставили багаж Кипа, причём носильщиком оказался не кто иной, как ворчливый усатый хозяин аквариумного магазина. Сейчас на его макушке красовалось белое кепи, слишком маленькое для огромной головы. Вокруг тульи шла надпись чёрными буквами: «БЭГСВОРТ».

Пыхтя и отдуваясь, Бэгсворт сгрузил с парящей в воздухе платформы чемодан Кипа и клетку Розочки, не переставая ворчать себе под нос что-то неразборчивое о детях, которым неизвестно зачем нужен всякий бесполезный хлам. Наконец он швырнул возле двери какой-то тяжёлый бумажный пакет и удалился, уже не сказав ни слова.

Кип открыл пакет и обнаружил смесь разных орехов, фруктов, овощи и сваренное вкрутую яйцо, иными словами, настоящее пиршество для белки-летяги. Но после всех тревожных дней этого дня Розочке больше хотелось спать, чем есть. Когда Кип открыл дверь клетки, она тут же бросилась к гамаку.

Альберт уже закончил распаковывать вещи, поэтому помог соседу по комнате расставить книги в шкафу. Потом он нашёл на стене крючок для календаря Кипа, в котором сегодняшнее число было обведено красным. Все дни, прошедшие со дня открытых дверей, оказались тщательно зачёркнуты, рядом вёлся подсчёт оставшихся – в порядке убывания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.